БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№1(16) / ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ 2008

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

С Новым 2008 годом и Рождеством Христовым!

в номере

ПО ИТОГАМ VIII КОНФЕРЕНЦИИ АСПУР: С. 4

ОМСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ — 45 ! С. 2

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ ЗЕМЛИ С. 5

ФОРМУЛА КРАСИВЫХ РЕШЕНИЙ: ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ В. ЛОШКАРЕВ С. 6–7

КРИТИКА С. 10–12

ВЕСТИ ИЗ РЕГИОНОВ С. 2–4

НОВЫЕ КНИГИ С. 8–9

ПОЭЗИЯ: АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ С. 13–14

ПРОЗА: НИКОЛАЙ КОНЯЕВ С. 14–15

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КОНКУРС С. 16

МОСКВА

И МОСКВА СТИХАМ ПОВЕРИТ...

По приглашению Постоянного представительства Республики Коми при Президенте Российской Федерации группа сыктывкарских писателей и поэтов провела в Москве литературный вечер. На нем читались стихи и проза, пелись песни, обсуждались проблемы литературного процесса в республике. Участие в нем принимали поэты Владимир Тимин, Юрий Ионов, Андрей Попов, Анжелика Елфимова, писатель Тамара Ломбина, а также гость из Санкт-Петербурга, уроженец Усть-Цильмы, заслуженный работник РК Олег Чупров.

В Москве сыктывкарские литераторы успели выступить еще и в Выставочном салоне Венгерского культурного центра. Здесь вечер был приурочен к экспозиции «Лица и голоса», на которой фотохудожники финно-угорского мира раскрывали образы представителей родственных им этносов. Органично вписались в нее и стихи на русском и коми языках. Такие творческие поездки помогают литераторам расширить аудиторию своих слушателей, обрести новые необходимые для работы впечатления, в свою очередь, нашим землякам с московской пропиской не дают забыть о малой родине, предоставляют им возможность познакомиться с новыми явлениями и тенденциями в культурной жизни республике.

Елена КОЗЛОВА

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ АКТЕРА

Состоялось открытие нового сезона московского городского клуба русского романса «Хризантема». В концерте приняли участие не только давние члены этого творческого объединения: заслуженный артист России Анатолий Титов, лауреат международного конкурса Игорь Коротков, но и лауреаты Всероссийского конкурса русского романса, который недавно прошел во Владимире. Среди выступавших на вечере были солистка концертной группы Ассоциации писателей Урала Яна Чабан и ее концертмейстер Елизавета Шубина. Их выступление было восторженно принято московской публикой и вызвало настоящий шквал оваций. А после концерта редактор программы «Романтика романса» Алла Гончарова пригласила уральских артистов для записи на телеканал «Культура».

Светлана ПИСАРЕВСКАЯ

ЧЕЛЯБИНСК

КОНФЕРЕНЦИЯ К ЮБИЛЕЮ

В Челябинской государственной академии культуры и искусств прошла юбилейная литературно-практическая конференция «Литература и жизнь». Это мероприятие Литературной мастерской Нины Ягодинцевой завершило ряд творческих встреч, посвящённых 10-летию ЛМ. В свой юбилейный год ЛМ провела 15 авторских вечеров и презентаций своих слушателей, а на конференции подвела итоги в новой для литераторов форме. Слушатели мастерской, поэты и прозаики, сделали ряд сообщений, обобщающих личный творческий опыт, размышления о литературной ситуации, особенностях жанров, в которых они работают. Доклад Н. Шаламовой «Опыт формирования конкретной творческой личности в России периода 50–90-х гг. XX века» был сделан по недавно опубликованным дневникам автора. Сообщение Л. Кулагиной «Народное творчество и литература» было посвящено особенностям прикладного и словесного творчества в детской аудитории. Литературоведческие проблемы были подняты в докладах А. Терпуговой «Поэт и время», Н. Петраковой «Поэт как инструмент языка», Ю. Брызгаловв «Перевод и взаимопроникновение культур». Брызгалов представил слушателям свою новую книгу — переводы «Перуанских легенд» Э. М. Уильямс, впервые переведённые и изданные на русском языке. Сообщения М. Щербаковой «Беллетристика – только ли развлекательное чтиво?», Ю. Васильева и Д. Хворостьянова «Семь принципов создания произведений в жанре фантастики» и В. Машнина «Судьба коллекции книг и газет В. П. Бирюкова (1935 г.) в Челябинской областной библиотеке» также основывались на непосредственных творческих опытах авторов.

В обсуждении докладов приняли заинтересованное участие педагоги и студенты ЧГАКИ, участники вузовской литературной студии «Взлётная полоса». По итогам конференции планируется издание сборника статей.

Соб.информ.

НОРВЕГИЯ

СКАЗКИ КОМИ ДЛЯ ЗЕМЛИ ВИКИНГОВ

Сыктывкарские писатели Елена Козлова и Елена Габова стали участниками интернационального литературного фестиваля «Ордкалоттен», который традиционно проходит в норвежском городе Тромсе. Хотя ряд известных литераторов, приглашенных на форум, таких как Анатолий Приставкин, Татьяна Толстая, Александра Маринина, не смогли приехать, мероприятие все равно получилось представительным и интересным по составу. Организатором его является краевая библиотека Тромса. Это очень красивый приморский город, где можно наслаждаться живописными видами фьордов, высокогорных гряд Люнгена, долиной реки Молсэлья. На протяжении всей своей истории Тромс являлся местом соприкосновения культур многих народов, традиций и нововведений. Программа фестиваля была достаточно насыщенной, в нее входили встречи со школьниками, публичные литературные чтения для говорящих на русском языке, семинар по переводу, посещения выставок и концертов, музея «Перспектива», поездка на корабле «Хуртигрюта» на остров Шервой. Елена Козлова выступила также с докладом о творчестве коми поэта Эдуарда Тимушева.

Соб. информ.

ОМСК

ВОЗРАСТ СИЛЫ

45 лет своего существования отметило Омское отделение СП России. Поздравить своих коллег приехали гости из разных городов: Геннадий Попов из Орла, Галина Колесникова из Барнаула, Владимир Блинов из Екатеринбурга, Иван Яган из Кургана, Нина Ягодинцева из Челябинска, из Москвы — поэт, сотрудник «Литературной газеты» Борис Лукин. Торжественное заседание в Доме актёров началось молебном, который по благословлению Митрополита Омского и Тарского Феодосия совершил отец Михаил. Литераторы Омска принимали поздравления от Министерства культуры Омской области, Ассоциации писателей Урала, Литературного музея им. Ф. М. Достоевского, Омского Дома Дружбы. Были вручены почётные грамоты писателям от Союза писателей России, Министерства культуры Омской области, благодарственные письма от писательской организации. Состоялся праздничный концерт, в котором прозвучали песни на стихи омских поэтов.

Омская писательская организация богата своими литературными традициями. В 80-е годы ей руководил Валерий Мурзаков, в 90-е — Татьяна Четверикова, сейчас — Валентина Ерофеева-Тверская. Здесь всегда уделяют большое внимание воспитанию молодых литераторов. Литературную школу Т. Четвериковой прошли многие теперь уже члены Союза писателей. К юбилею организации на грант партии «Единая Россия» и при поддержке Министерства культуры области вышел в свет сборник произведений, в котором 41 молодой автор, отдельной книгой изданы стихи М. Четвериковой и сборник «на двоих» А. Карпета и А. Степановой.

Писателей — гостей праздника принял министр культуры Омской области Владимир Алексеевич Телевной. Он проявил живой интерес к писательским делам, просил поделиться опытом сотрудничества писательских организаций и администрации в разных областях России. В библиотеке им. Пушкина прошли литературные чтения, на которых грамотами и призами от Омской писательской организации и партии «Единая Россия» были награждены лауреаты литературного конкурса «Поэзия — моя держава», приуроченного к юбилею. Грамоты победителям подписал вице-губернатор Омской области А. В. Артёмов, секретарь регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия»

Выступления писателей состоялись в институте развития образования и в Литературном музее им. Ф. М. Достоевского, где в эти дни проходил первый областной фестиваль, посвящённый омскому поэту Тимофею Белозёрову. В насыщенной и разнообразной программе фестиваля, организованной зам. директора Литмузея Ю. П. Зародовой, были выставки из фондов Литературного музея, концерты, творческая лаборатория с участием писателей, спектакли по сказкам Белозёрова и молодёжная конференция.

Юбилей писательской организации широко освещался средствами массовой информации.

Нина АЛЕКСАНДРОВА

ХАНТЫ-МАНСИЙСК

ДНИ ЮГОРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературные мероприятия, прошедшие в столице ХМАО, на этот раз отличались необычным праздничным размахом. Это было связано не только с десятилетием окружной писательской организации, но и с первой церемонией вручения Всероссийской литературной премии «Югра», учрежденной Союзом писателей России и писателями Югры. Первыми лауреатами этой новой награды стали: прозаик Валентин Распутин (Иркутск), поэт Станислав Куняев и публицист Александр Казинцев (Москва), а так же литературовед Михаил Рябий из Ханты-Мансийска. Для Михаила получение премии совпала с еще одним радостным событием. В этот же день местные писатели приняли его в свои ряды.

В ходе Дней литературы писатели округа, а так же гости: секретарь правления СПР В.Середин и координатор АсПУр А.Кердан побывали в городах: Нефтеюганске и Пыть-Яхе, в поселке Пойковском, выступили перед студентами вузов Ханты-Мансийска, приняли участие в региональной научно-практической конференции «Творчество писателей Югры в контексте российской словесности начала XXI столетия».

Николай КОНЯЕВ

МУРАВЛЕНКО

ЛИТЕРАТУРА В ПОИСКЕ ГЕРОЕВ

До девятнадцати возросло число писательских организаций, входящих в Ассоциацию писателей Урала (АсПУр). На ее VIII конференции, которая прошла 6 ноября в северном городе нефтяников Муравленко (ЯНАО), в Ассоциацию вступили Алтайская краевая, Кировская и Кемеровская областные организации Союза писателей России (СПР), а также Ямало-Ненецкая окружная организация Союза российских писателей. Решению организационных вопросов предшествовала заинтересованная дискуссия об отсутствии в современной отечественной литературе героя и самой возможности его появления в ней, основу для которой дали яркие выступления литературного критика Леонида Быкова (Екатеринбург) и поэта Нины Ягодинцевой (Челябинск).

— Успешные проекты ассоциации — семинары молодых авторов, ряд литературных премий, издание альманаха «Чаша круговая» и газеты «Большая Медведица» — привлекли к ней внимание литераторов не только самого Урала, но и регионов по обеим его сторонам, — отмечает координатор АсПУр, секретарь правления СПР Александр Кердан. — О значении, которое приобрела АсПУр, свидетельствует участие в ее нынешней конференции председателя СПР, члена Общественной палаты РФ и сопредседателя Всемирного Русского Собора Валерия Ганичева. Но, пожалуй, разумных пределов расширения мы уже достигли, дело за углублением творческих связей...

Писательской встрече предшествовало очередное вручение Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, которая учреждена АсПУр. На этот раз ее лауреатами стали девять авторов. Прозаик из Екатеринбурга Юрий Бриль отмечен за «Избранное», талантливо продолжающее литературные традиции Урала и Сибири, Владимир Волковец (Советский, ХМАО) — за книги стихов, внесшие большой вклад в современную поэзию региона. За книгу «Государственная безопасность: три века на Южном Урале», глубоко и правдиво раскрывающую историю становления спецслужб в опорном крае державы, награждены челябинцы Олег Вепрев и Вячеслав Лютов. В отчасти неожиданной роли премированного краеведа выступил архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий, опубликовавший книгу «Демографические процессы в Тюменской области и социальное служение Тобольско-Тюменской епархии». Вместе с ними лауреатские знаки получили Николай Смирнов (Нижневартовск, ХМАО), Александр Кравцов (Тюмень) и москвичи Александр Ананичев и Вячеслав Ремизов.

В тот же день, 5 ноября, в Муравленко впервые была вручена литературная премия «Урал промышленный – Урал Полярный», предназначенная для авторов, популяризирующих как сам одноименный проект, так и в принципе труд людей, осваивающих Север. Вместе с Николаем Коняевым (Ханты-Мансийск) и Анатолием Омельчуком (Тюмень) ее лауреатом стал мэр гостеприимного города и одновременно член Союза российских писателей Василий Быковский. За повесть «Товарищ Че и Боженька», посвященную поиску воином-уральцем своего места в жизни, в число первых лауреатов вошел Арсен Титов. А Мария Вагатова из Ханты-Мансийска и Александр Кердан отмечены премией как, соответственно, автор и переводчик книги стихов «Материнское сердце», которая вышла на двух языках — хантыйском и русском.

Андрей РАСТОРГУЕВ

САЛЕХАРД

РАБОЧАЯ ВСТРЕЧА

В резиденции Губернатора ЯНАО состоялась встреча вице-губернтора округа Виктора Николаевича Казарина с писателями – участниками Маминских дней на Ямале. В ходе встречи, в которой приняли участие Председатель Союза писателей России В.Н.Ганичев, координатор АсПУр А.Б.Кердан, писатели: В.А.-Быковский, А.С.Ананичев, А.Б.Титов, А.Б.Кравцов, Н.П.Смирнов, а также исполнительный директор Фонда Владислава Крапивина С.А. Аксененко, главный редактор журнала «Литературная учеба» Л.И. Карханина и редактор журнала «Ямальский меридиан» А.Ф. Макеев, гости и хозяева обменялись мнениями о ходе реализации программы «Года русского языка», наметили перспективы для дальнейшего сотрудничества. Были достигнуты договоренности и возрождении в округе организации Союза писателей России.

Во время пребывания в Салехарде писатели посетили музейный комплекс, выступили в прямом эфире в телекомпании «Регион-Ямал» и на местном радио, провели творческие встречи со студентами колледжа культуры и искусства и участниками городского литературного объединения.

Александр БОРИСОВ

СЫКТЫВКАР

НОВАЯ ВЫСТАВКА

В литературно-мемориальном музее Ивана Куратова прошло открытие выставки «У истоков. А.С. Сидоров и куратоведы первой половины XX века». Алексей Семенович Сидоров, уроженец села Палевицы, доцент Ленинградского пединститута имени А.И.Герцена, одним из первых обратился к исследованию рукописей поэта Ивана Куратова, подготовил к печати собрания его сочинений, он считается основателем коми текстологии. Судьба его сложилась непросто. В 1937 году он был арестован якобы за связь с националистами и три года провел лагере. В годы Великой Отечественной войны был сотрудником Коми научно-исследовательского института. Выставка, посвященная его деятельности, получилась компактной, но очень информативной. На ней представлены уникальные документы: фотографии, черновики, письма, приказы и даже ордер на арест священника отца Стефана Куратова, у которого в архиве, как считают некоторые исследователи, хранилась переписка первого коми поэта. Весь архив был изъят сотрудниками госбезопасности и до сих пор не найден. На открытии выставки выступили ученые-литературоведы, внучатая племянница А.С.Сидорова Эмилия Ермакова, приехавшая из Мурманска, народный поэт республики Владимир Тимин.

СЕВЕРНАЯ КЛАССИКА — НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В Корткеросском районе Республики Коми прошло празднование 130-летия со дня рождения классика коми литературы Михаила Лебедева. Писатель хотя и родился в селе Межадор, большую часть жизни прожил в Корткеросе. Его имя здесь носит Центральная библиотека. Именно в ней прошли «Лебедевские чтения», творческий вечер «Завидная судьба поэта», презентация электронного издания «Михаил Лебедев: жизнь и творчество». Также в это день в Корткеросе завершился семинар молодых авторов, пишущих на коми языке, который проводил Союз писателей Республики Коми. В семинаре участвовало участвовало 16 человек, предложивших для обсуждения произведения самых различных жанров.

Специально на празднование юбилея классика в Корткерос приехал необычный гость — парижанин Себастьян Каньолли, который впервые в мире непосредственно с коми языка на французский перевел поэму Михаила Лебедева «Корт Айка». Сейчас он ищет издателя для этой уникальной работы. В планах гостя познакомить франкоязычный мир и с творчеством других коми писателей, в частности Геннадия Юшкова.

КОНКУРС ПОДДЕРЖАЛ ГОССОВЕТ

Подведены итоги литературного конкурса, организованного Союзом писателей Республики Коми и журналом «Войвыв кодзув». В этом году он был проведен при поддержке Госсовета Республики Коми. Участие в нем приняли 65 поэтов и прозаиков, пишущих на коми языке. Они представили комиссии 108 работ.

В номинации «Проза» лучшим назван Алексей Вурдов из Удорского района, специальных призов удостоены Вячеслав Бабин и Иван Ногиев из Усть-Кулома. В номинации «Поэзия» победила студентка СыкГУ Любовь Ануфриева, специальными призами отмечено творчество Надежды Павловой и Раисы Куклиной. Среди публицистов первое место отдано Вячеславу Бабину, собкору газеты «Коми му» в Усть-Куломском районе. Отмечены так же произведения Александра Шебырева и Александра Панюкова, а благодарственные письма получили Алена Шомысова, Мария Остапова, Ольга Баженова, Наталья Демина.В церемонии награждения приняла участие председатель Госсовета РК Марина Истиховская.

Соб.информ.

ОТ ЗАГОВОРА — К КУЛЬТУРЕ

Высоким целям нужны высокие проектные технологии, считают участники Интеллектуального клуба

На последней в 2007 году встрече Интеллектуального клуба, организатором которого в Екатеринбурге наряду с АНО «Институт корпоративного развития» (ИКР) Группы компаний «Ренова» и Агентством культурной информации является Ассоциация писателей Урала, шла речь о проектной культуре. Тема, как обычно, вроде бы далекая от литературы. Однако если не вдохновение, то рукопись, хотя и с большим трудом, можно продать и сегодня. И как минимум эту продажу вполне можно сделать предметом отдельного проекта: цель, задача, инструменты, ресурсы...

Так что к результату писательской деятельности предложенные вопросы отношение, несомненно, имеют. А если писатель еще и как минимум размышляет о том, что происходит в стране и в мире — тем более. Скажем, известный кинорежиссер **Аркадий Морозов** во время обсуждения так прямо и заявил, что каждый из собственных творческих проектов для него — национального масштаба.

Разумеется, практически сразу вспомнили и о проектах, официально именуемых национальными. Однако, в отличие от официальной же точки зрения, достойными большого внимания их не сочли — разве что в рамках другого проекта власти, успех которого 5 декабря, через три дня после думских выборов, был очевиден. Отнюдь не много времени ушло и на разговор о проектной деятельности как технологии: сошлись на том, что сегодня ее основы должен знать любой, кто хотя бы мало-мальски связан с управлением. С точки зрения ректора Уральской архитектурно-художественной академии (УралГАХА) **Александра Старикова**, например, эти основы вообще должны преподаваться в наших вузах, как это уже третий десяток лет делается в Европе. Пока же, отметила в свою очередь директор ОАО «Аэропорт Кольцово» по персоналу **Александра Бобрецова**, приходится восполнять этот пробел непосредственно на предприятии.

А вот об истоках, сути проектной культуры и перспективах ее укоренения в России мнения были высказаны самые разнообразные. Усмотрев определенные черты проектов еще в деятельности Александра Македонского и правителей древнего Китая, политолог **Константин Киселев** отнес ближайшие из этих истоков к началу эпохи Просвещения и преддверия Великой Французской революции, когда одни революционеры строили проекты-заговоры, а другие, стремясь увидеть в человеческой истории определенную закономерность, пытались создать идеологию. Россия, по его мнению, ничуть не менее и не более логична, чем другие европейские страны, и потому проекты в ней могут осуществляться столь же результативно. Разделил эту точку зрения со своей позиции и бизнесмен **Андрей Бриль**.

В то же время проректор УралГАХА по инновационной работе **Александр Заборов** отметил, что в России любой проект важно наполнить высоким смыслом — иначе он просто не заинтересует людей. Увидела российскую особенность в том, что у нас проекты не противостоят философии и идеологии, а наоборот — наполняются, одухотворяются ими, и начальник управления социальными программами ОАО «МДМ-Банк» **Анна Адом**.

Нашлось, по обыкновению, место и для регионального — уральского контекста, в рамках которого, по мнению профессора УрГУ **Леонида Быкова**, сегодня обсуждается пока что лишь один, да и то спорный проект «Урал промышленный – Урал полярный». Одной из причин этого, считает проректор Екатеринбургской академии современного искусства **Андрей Франц**, является отсутствие цели, которую можно было бы назвать общеуральской. Мысль о необходимости более высоких, чем обычные, целей для того, чтобы проектные технологии, в принципе уже освоенные на Урале в ряде сфер деятельности, переросли в проектную культуру, разделил и политолог **Дмитрий Москвин**. А директор филиала ИКР **Марина Вшивцева** подчеркнула, что какие-либо уральские проекты будут востребованы только в том случае, когда инициаторы будут встраивать их в общероссийские и более того — мировые тенденции. То же и с литературой?

Андрей РАСТОРГУЕВ

РЕЗОЛЮЦИЯ VIII КОНФЕРЕНЦИИ АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА

Заслушав и обсудив доклад профессора Быкова Л.П.: «Герой нашего времени и современный литературный процесс» и содоклад Н.А. Ягодинцевой: «Во истину героическое…», конференция отмечает определенные успехи в деятельности организаций, входящих в Ассоциацию, в деле укрепления творческих связей, выпуске совместных книжных изданий, альманахов, воспитании литературной молодежи, позиционировании писателей в современном российском обществе.

Конференция **ПОСТАНОВЛЯЕТ**:

I. **Всем организациям, входящим в Ассоциацию, продолжить работу по воссозданию единого литературного пространства в регионе, консолидации усилий в деле возрождения духовности в России.**

1.Организовать подготовку к созданию системы интернет-сайтов организаций, входящих в АсПУр, организовать сбор материалов для создания электронной библиотеки Ассоциации (январь—сентябрь 2008 года)

Отв. Кердан, Расторгуев, сопредседатели АсПУр

2.VIII конференцию Ассоциации и очередную церемонию вручения Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка провести в Нижневартовске в ноябре 2008 года

Отв. Кердан, Коняев, Смирнов

3. По согласованию с Ассоциацией «Города Урала» организовать очередной тур регионального литературного конкурса «Урал промышленный, Урал полярный», итоги его подвести осенью 2008 года в одном из городов региона

Отв. Кердан, Быковский

4.По согласованию с Фондом Владислава Крапивина провести церемонию вручения Международной детской премии В.П.Крапивина 14 октября 2008 года в Тюмени

Отв. Кердан, Кравцов, Аксененко

5. Продолжить традицию проведения творческих десантов в регионе, выпуск региональных книжных серий: «МИР», «Каменский семинар», «На разных языках» и др. (в течение периода)

Отв. сопредседатели АсПУр

6. Продолжить традицию проведения круглых столов с представителями бизнеса, науки и культуры в рамках Екатеринбургского интеллектуального клуба. В течение периода.

Отв. Кердан, Расторгуев.

7. Организовать выпуск альманаха «Чаша круговая» №7 и очередные выпуски газеты «Большая медведица».

Отв. Кердан, Коняев, Титов, Бриль

8. Провести Всероссийское совещание молодых писателей в Сургуте в апреле–мае 2009 года.

Отв. Кердан, сопредседатели АсПУр

9. В августе 2009 года провести международный поэтический форум «Рифейские встречи» в г.Каменске-Уральском

Отв. Кердан, Шалобаев, сопредседатели АсПУр

10. Установить ежегодный коллективный взнос в фонд АсПУр в размере 3 тыс. рублей для решения организационных вопросов.

Отв. сопредседатели АсПУр

11. К 10-летию АсПУр учредить корпоративную награду — медаль «За служение литературе».

Отв. Кердан, Быковский, Кравцов

II. Принять в коллективные члены Ассоциации писателей Урала:

— Ямало-Ненецкую окружную организацию Союза российских писателей (председатель Овсянников А.В.)

— Кировскую областную организацию Союза писателей России (председатель Ситников В.А.);

— Алтайскую краевую организацию Союза писателей России (председатель Колесникова Г.Д.)

— Кемеровскую областную организацию Союза писателей России (председатель Бурмистров Б.В.).

III. За разрыв связей с Ассоциацией, не выполнение решения конференции исключить из АсПУр Ульяновскую областную организацию Союза писателей России.

IV. Утвердить Координационный Совет в составе: Белозерцев А.К., Бурмистров Б.В., Денисов Н.В., Ерофеева-Тверская В.Ю., Кердан А.Б., Казарин Ю.В., Козлова Е.В., Колесникова Г.Д., Коняев Н.И., Кравцов А.Б., Моисеев В.Г., Овсянников А.В., Фокин В.Г., Соколова Т.Ф., Смирнов Н.П., Титов А.Б., Шамсутдинов Н.М., Шишов К.А., Яган И.П.

Путешествие на край Земли

Да, да, я не ошибся. Именно на край, потому что Ямал в переводе с ненецкого языка означает «край Земли». За Ямалом лишь Северный Ледовитый океан, схожий утомительной зимою по цвету льдов с белыми тундрами. Лишь коротким незаметным летом, на каких-то два-три месяца эти льды от берегов полуострова отделяет узкая полоса синей воды Арктики.

...Ассоциация писателей Урала, объединившая писательские Союзы в огромном Уральском регионе, провела на севере нашей страны очередную свою, уже восьмую конференцию. Спасибо руководителю Ассоциации, поэту, доктору культурологии Александру Кердану, сумевшему сплотить омских, челябинских, алтайских, нижневартовских, ханты-мансийских, пермских, сыктывкарских, екатеринбургских, оренбургских писателей и добиться от административных чиновников материальной поддержки...

Но все по порядку. Началась конференция в городе нефтяников Муравленко. Нужно заметить, что городской глава этого совсем молодого города, получившего статус лишь в 1990 году, весьма активно поддерживает писателей. Василий Быковский, будучи членом Союза Российских писателей, написал немало книг об истории родного края...

Щедро и радушно встретили художников слова в городе, названного в честь Героя труда нефтяника Виктора Муравленко. Что и говорить, северяне не могут иначе, ведь душа у них открытая и хлебосольная. Экскурсии по городу чередовались с походом в краеведческий музей и школу-интернат для детей коренных народов севера (от детей не отказались родители — Боже упаси! — просто каждый в нашей стране обязан получить среднее школьное образование), катанием на оленях и стрельбой в новоотстроенном тире, паломничеством в Преображенский храм, отмечающий пятнадцатилетие со дня своего освящения, и даже муравленковскую мечеть.

Прежде я никогда не бывал так далеко на Севере. Меня волновало все — и десятиградусный сладковатый мороз в начале ноября (в день нашего приезда было всего плюс три, слякотно и дождливо) и привередливые милиционеры дорожно-патрульной службы, наказывающие за выезд за сплошную полосу лишением прав, и низкорослые березки и ели, притулившиеся вокруг несметных озер и болот, попавшихся нам по дороге, и низкое северное небо, и ненецкие чумы.

Эти жилища держатся на длинных жердях, увитых оленьими шкурами. Жерди тянутся к небу, образуя наверху узкое оконце для прохода дыма и общения с духами... Вход в чум обыкновенно ориентирован к реке или к востоку — в сторону солнца. В середине чума — очаг (нынче — печка-буржуйка). По обе стороны от очага — ближе к выходу — спальные места для женщин. Здесь же хранятся дрова, посуда. Подальше от входа — расстелены оленьи шкуры, на них спят мужчины и дети. Место за очагом, что напротив входа — сытке — священно.

В чумах нас ждали — столы ломились от северных яств — дивной ягоды морошки, замороженной брусники и клюквы в сахаре, копченой щуки, дымящейся ухи, белоснежной строганины. Рыбу муксун на севере едят сырой, копченой и замороженной. Белоснежные замороженные, щедрой рукой наструганные рыбные ломти подаются с перцем и солью. Вкус незабвенный. Да под холодную водочку...

— Что вы больше всего цените в жизни? — спросил я молчаливую ненку в пестрой нарядной ягушке, у которой из-под черной с белой оторочкой шапки висели длинные накосники, позвякивающие металлическими бляхами. Женщина прислуживала нам, но так и ни разу не присела за низкий стол, что окружил пышущую жаром железную печку.

— Семью.

— А что больше всего не любите?

— Пьяных мужчин.

Мужчины-ненцы любят выпить, приехав в город. В тундре, захмелев на снегу, можно легко отпустить душу небесному верховному божеству Ному. Или хозяину преисподней Кызы. В тундре ненцы воздерживаются от напитков. А женщинам и вовсе пить запрещено.

Однако вернемся из гостеприимного чума в киноконцертный зал «Украина», где вручались в ноябрьские дни две главные премии Ассоциации — премии имени Дмитрия Мамина-Сибиряка и «Урал промышленный. Урал литературный». Премии вручались уральским литераторам: Александру Кравцову из Тюмени, Николаю Смирнову из Нижневартовска... Главные награды получил также архиепископ Тюменский и Тобольский Димитрий за свой литературный труд, посвященный деятельности епархии, а также автор этих строк, житель старинного Сергиева Посада за повесть о просветителе Перми Великой Стефане Пермском.

Торжество завершилось концертом знаменитого Бисера Кирова — ныне советника по культуре в Болгарском посольстве в Москве. Это был незабываемый вечер талантливого певца, спевшего знакомые песни и на болгарском, и на украинском, и на английском. Сын болгарского священника, подарил русским слушателям замечательные песни Александры Пахмутовой «Надежда», «Птица счастья»...

На другой день писателей пригласили выступить в школы и библиотеки города, записать передачи на местном телевидении. Сверкнула черешнями глаз луноликая девушка-корреспондент, увидев писателей в телевизионной студии. Звали ее незабвенным именем Алия. Общались-то всего ничего, а стихи родились...

Алия, Алия,
Я не знаю когда
Ты приехала в эти края,
Где тайга и тайга,
Где под снегом земля...
Алия, Алия...

Не остынет ли здесь
Твоя жаркая кровь,
Не померкнут ли эти глаза,
Что как вишни горят,
Сладких грез не тая?
Алия, Алия...

Ледяная печаль
Окружила тебя,
Лишь огни нефтяные дрожат,
Да чужая блестит
На снегу колея.
Алия, Алия...

Что за имя твое!
В нем алеет заря...
Отчего же нет рядом тебя?
Кто из нас виноват —
То ли ты, то ли я,
Алия, Алия?

Замечательно, что на конференции Ассоциации писателей Урала выступил с докладом о современном состоянии отечественной литературы председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев. Да, Ассоциация писателей Урала ни в коем случае не желает отделиться от главного литературного Союза России, вступить с ним в конфронтацию. Москва далеко и оттого не всегда слышит голос провинции — хотя какой Урал провинция — это сердце России! Ассоциация призвана находить новые таланты, поддерживать уже заслуженных художников слова. Каким подспорьем служат здесь литературные премии! И не в одних деньгах дело. Премия указывает имя, обозначает вектор развития современной литературы, помогает растерявшимся читателям найти в океане литературы своего автора, свою книгу.

И вот настал день 7 ноября. На стареньком, но весьма бодром Ан-24 поредевшая группа писателей вылетела на край Земли, в далекий Салехард. Полтора часа лету. Внизу, куда ни глянь — безмолвная тундра, хоть бы где разглядеть огонек поселений! Велика Россия. За полтора часа половину Франции можно пролететь... Наконец, замерзающей лентой показалась могучая Обь.

Салехард! Нет другого в мире города, стоящего на Полярном круге. В память об этом возле въезда в город, между двух ледяных вершин, серебрится огромное полукружие — символ Полярного круга. С одной его стороны — Приполярье, с другой — Заполярье. Как тут не выйти из машины, пусть на улице резвился пятнадцатиградусный морозец, и не обойти этот примечательный памятник!

Салехард — до 1933 года Обдорск — заложили русские казаки во времена царя Федора Иоанновича, в 1595 году. Некогда Обдорская крепость слыла самой северной в Русском государстве. К 400-летнему юбилею города на площади речного вокзала Салехарда сложили бревенчатую крепость на старый манер, соблюдая в точности былую величину.

Река Шайтанка впадает в Обь. Над Шайтанкой, получившей, видимо такое имя из-за буйного своего нрава, мост, в основании которого разместился просторный и светлый ресторан «Парадиз». Рай над Шайтанкой — это по-нашему! Но чтобы подняться в ресторан, нужен лифт. Этажей десять пролетела незаметно наверх стеклянная кабина. А оттуда, с самого «Парадиза», мы оглядели весь Салехард и его пустынные окрестности.

Наступала ночь, небо темнело, и вокруг повсюду загорались огни. Салехард — административный центр Ямало-Ненецкого автономного округа, город чиновников. Дымится лишь одна-единственная труба местной котельной. В переводе с ненецкого «Салехард» означает «город на мысу». Неподалеку от города, на востоке, темнеет этот мыс — священный для ненцев. Он выдается из ледяного озера, будто лошадиная голова. Оттого и священен... В центре Салехарда сверкает огнями новый Ледовый дворец, ближе всех к нам — примечательный музейный комплекс имени И.С. Шемановского, где пройдет заключительная встреча писателей с гостеприимными северными жителями. Мигают разноцветными огнями многочисленные светофоры, сверкает золотыми маковками куполов Храм в честь святых апостолов Петра и Павла, возвышаются современные кирпичные многоэтажки и только ближе к городской окраине скромно ютятся ветхие деревянные бараки, которых скоро заменят новые дома...

Впечатлила окружная государственная телерадиовещательная компания «Ямал-регион». Молодые и жизнерадостные хозяева долго водили гостей по этажам и студиям огромной империи СМИ, оборудованной новейшей аппаратурой. Здесь же мы записали часовую передачу в телевизионной программе «Разговор по существу». Запомнились вопросы юных журналистов. Например: как простым читателям отличить истинную поэзию от графомании? Пришлось ответить стихами...

Глубока необычайно,
Взорам темным не видна,
Есть внутри поэта тайна,
Одному ему верна.
Он — стихов своих ценитель —
Первым должен дать ответ:
Кто он — скромный сочинитель
Иль воистину поэт?
И поэта не обманет
Речь обидная ничья —
Только он один и знает
Все, до точки, про себя.
Но удел того негодный,
Кто не свой огонь несет,
Кто иллюзией бесплодной,
Будто ложный царь, живет.
Глянцем светится бумага,
Глянцем светится сонет...
Сердце ведает, однако:
«Не поэт я! Не поэт...»

Привольно дышится на салехардском воздухе. Хороший, боевой мороз! Еще пока с небес светит на тундру скудное солнце. В середине декабря подберется к Ямалу полярная ночь. И будет тьма вплоть до марта-месяца. А в июле и в августе, в самые теплые месяцы года, на несколько недель нагрянет на край Земли полярный день...

Говорят, что главное сокровище ямальской земли нефть и газ. Думаю, что это не так. Главная ценность Ямала и всего Севера — люди, доброжелательные и трудолюбивые. Многие надеялись задержаться в этих краях год-другой, но остались на всю жизнь, разменяв суету городов на северное сиянье и целительный запах тундры. Суров северный климат, кровью и потом обживаются бескрайние просторы. И попробуй, обособься здесь от ближних, поживи себе в угоду и в сласть! Не получится. Такие быстро с Севером завязывали, и уматывали к иным, более ласковым берегам в поисках дешевого счастья...

Спасибо всем — Богу, людям, подарившим эту поездку. И мое сердце обожгло ледяное и чистое дыхание русского Севера, от которого свежо и радостно на душе, будто после купания в священной купели. Дай Бог, подольше пожить на этом свете, чтобы еще и еще увидеть эту красоту, отобразив ее живым и исцеляющим словом.

Александр АНАНИЧЕВ

Владимир ЛОШКАРЕВ: «МОЕ КРЕДО — ПОРЯДОЧНОСТЬ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ»

На стене в приемной у моего друга — генерального директора компании «ТАТНЕФТЬ-УРАЛ» Владимира Лошкарева — многочисленные грамоты, дипломы, благодарственные письма: от Президента Российской Федерации, от Президента Татарстана, от Губернатора Свердловской области, от мэра города Екатеринбурга, от Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия…
И хотя с деловыми людьми лучше всего сразу говорить о профессии, на ум пришло неожиданное:

— Владимир Николаевич, знаю, что ты человек верующий… И хотя Вера — это чувство интимное, разреши спросить, как она совмещается с твоей профессией?

— В наш век глобальных катаклизмов и катастроф трудно не верить в Бога. Я в своей Вере укрепился после одного случая. Мы с женой Натальей отдыхали на острове Бали. Утром в отеле я обнаружил, что у меня во время сна каким-то удивительным образом сломался пополам нательный крест. Тогда еще подумал, что надо бы быть поосторожнее. После завтрака предложил Наташе покататься на яхте. Мы отплыли от берега километра на два. Погода стояла чудесная: полный штиль, солнышко светит. Я отпустил фал, который держит парус, и решил искупаться. В нарушение всех мер безопасности нырнул в воду, даже не привязавшись веревкой, как это положено делать при купании в открытом море. Отплыл от яхты метров на двадцать и тут внезапно налетел шквал. Конец фала закусило, парус мгновенно наполнился ветром, и яхту понесло в океан. Наталья растерялась. Она не умела обращаться с парусами. Схватила весло и вместо того, чтобы притормозить движение яхты, стала грести от меня. Я закричал, чтобы она бросила весло и вызывала помощь с берега. Но сотового телефона у нас на борту не было, а ее жестикуляцию с берега, конечно, никто не заметил. Дело принимало нешуточный оборот: яхту уносило все дальше, ветер не прекращался. Я посмотрел в сторону берега и понял, что до него не доплыву. Если же поплыву за яхтой, то не сумею догнать ее. Кроме того, была опасность столкнуться с акулами. В общем, я оказался перед выбором: куда плыть? Решил все же плыть за яхтой, до которой было уже метров триста. Поплыл, а сам все молил Господа, чтобы ветер стих. И, действительно, ветер вскоре перестал дуть. Я успел доплыть до яхты, схватиться за фал, и тут налетел новый шквал. Яхту и меня с ней вместе, протащило по воде еще несколько сот метров, пока мне удалось взобраться на борт. Ну, а там, уже без приключений, я развернул яхту, и мы благополучно вернулись на берег. Этот случай заставил меня многое переосмыслить: вспомнить о Боге, о взаимосвязи всех событий в человеческой жизни.

— Тебе не напоминает случай, о котором ты только что рассказал, события, происходящие в современном бизнесе? Та же быстрая смена обстановки, тот же расчет на чудо?

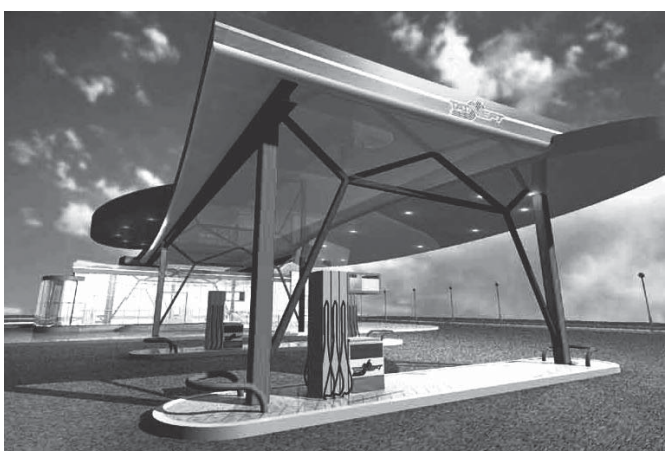
— В бизнесе я действую более осмотрительно. И в подобные ситуации не попадал. Тем более, что они чаще всего возникают, когда бизнесмен просто старается заработать как можно больше денег. Мне это сегодня уже не интересно. Куда важнее долговременные процессы в экономике, их реальный результат, полезность для многих людей. Это своего рода философия современного бизнеса. И есть немало крупных руководителей и бизнесменов, у которых я этой философии учусь. Например, это мои коллеги из «Татнефти»: Наиль Ильфатович Маганов, Федор Лазаревич Щелков...

— И все-таки, вернусь к случаю с яхтой… Уж, очень он показательный! Если бы в твоем бизнесе возникла подобная ситуация, что бы стал делать?

— Главное в критической ситуации — не метаться. Попытаться спокойно оценить ситуацию. Оценив, действовать, полагаясь на интуицию. Только не надо путать это понятие с русским «авось»... Скажем, когда случился дефолт, те, кто стал дергаться, потеряли практически все. Мои личные накопления, а они были в рублях, тогда тоже «усохли» в несколько раз, но тем не менее, я не опустил рук и уже после дефолта сумел создать эту компанию.

— Давай поговорим об этом…

— Наша компания как дочерняя структура акционерного общества «Татнефть» начала свою работу в 1999 году. Уже шестой год мы спешно решаем задачи по сбыту продуктов нефтепереработки, активно способствуем развитию товарного обмена между предприятиями Урала и Республики Татарстан. Нашими деловыми партнерами являются Свердловэнерго, Нижнетагильский металлургический комбинат, Богословский аллюминевый, Синарский и Северский трубные заводы и другие промышленные гиганты. За счет больших объемов наших поставок, цены на продукцию уральских заводов достаточно низкие и выгодны для потребителей их продукции, в первую очередь, трубной, расположенных на юго-востоке Татарстана. Кроме того, мы выступаем официальными дилерами торгового дома «Кама», представляющего ОАО «Нижнекамскшина». Благодаря нам уральский потребитель имеет возможность приобретать по низким ценам более ста типоразмеров автошин. Еще одно направление нашей деятельности – это строительство и эксплуатация автозаправочных комплексов, оснащенных новейшим оборудованием, исключающих загрязнение окружающей среды и предоставляющих широкий спектр услуг.



— Одна из таких автозаправок построена «Татнефтью-Урал» в Парковом районе Екатеринбурга. Внешним видом и оборудованием она выгодно отличается от всех других АЗС…

— Эта оценка не может не радовать. Но все замеченные отличия — это результат не только нашего старания, но и капиталовложений в строительство АЗС со стороны «Татнефти». Скажу только, вкладывается в каждую заправку в два раза больше средств, чем у других компаний. Соответственно, и качество наших АЗС выше и услуг потребителю мы предоставляем больше. И еще должен подчеркнуть, что процесс подготовки к строительству был непростым. Все вопросы приходилось решать на самом высоком уровне. И конечно, самому строительству предшествовала встреча Мейтимира Шаймиева с Эдуардом Росселем и подписание соответствующего соглашения о сотрудничестве между Татарстаном и Свердловской областью.

— Владимир Николаевич, а что является самой большой твоей гордостью как руководителя компании?

— Горжусь, что удалось создать настоящий коллектив единомышленников-профессионалов, способный решить все задачи. Сегодня в компании работает около семидесяти человек. Все сотрудники с высшим образованием, каждый сотрудник управляет несколькими процессами и всегда готов поддержать коллегу.

— Я на своем примере знаю, что компания не замыкается только на производственных проблемах. «Татнефть-Урал» является меценатом многих культурных проектов, ставших заметным событием в жизни области и России…

— Мы понимаем, что подъем экономики — только одно из направлений возрождения нашего Отечества. Былого величия России никогда не обрести без дальнейшего развития духовности и культуры. Поэтому, действительно, участвуем во многих культурных проектах. Самыми значимыми считаю: издание твоего исторического романа «Берег отдаленный», посвященного первопроходцам Русской Америки и заслужившего премию Губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства, выпуск двух компакт-дисков талантливой молодой певицы Яны Чабан и автора-исполнителя Ахляма Газалиева, а также альбома военных песен «Чечня в огне». Мы помогаем театру на Волхонке, регулярно устраиваем в офисе компании выставки екатеринбургских художников, оказываем поддержку Православной церкви и мусульманской общине города Екатеринбурга, а также простым горожанам.

— Я однажды был свидетелем, как к тебе прямо с улицы пришел фронтовик и попросил помочь в похоронах жены. Он уже обошел десяток кабинетов чиновников и нигде не дождался поддержки. А ты тут же помог…

— Было такое. Но должен заметить, при всей широте благотворительной деятельности, мы, конечно, стараемся не забывать и своих сотрудников. В этом году отправили десять детей в турне по маршруту: Екатеринбург – Санкт-Петербург – Финляндия – Швеция. В прошлом году наши дети отдыхали в Крыму. Все это, естественно, за счет фирмы. У нас стала корпоративной традицией совместная встреча праздников, дней рождения, сыграно несколько свадеб...

— Думаю, читателям журнала уже интересно узнать: откуда ты родом, кто твои родители, как достиг всего в своей жизни?

— Я родился 12 марта 1969 года в районном поселке Октябрьском, что на севере Тюменской области. Моя мама, после окончания Томского государственного университета, работала в Октябрьской средней школе учителем истории. Отец был главным лесничим района. От него — все мои пристрастия: рыбалка, охота... Надо сказать, что все детство и юность прошли у меня на берегах реки Оби, среди коренных жителей тех мест — ханты и манси. Все время, когда не было занятий в школе, я охотился, рыбачил, собирал грибы и ягоды, словом, общался с природой и теми людьми, кто связан с ней корневыми узами. От них постиг основной принцип жизни, без которого в тайге не выживешь — порядочность. В последствие, этот принцип я переложил на свой бизнес. Не стал мудрить и что-то изобретать...

— А рыбалка и охота не мешали твоей учебе?

— Напротив. Рыбалка и охота это тоже школа жизни, которая учит упорству и целеустремленности. Школу я закончил с серебряной медалью. Поступил в Свердловский лесотехнический институт. Проучился один курс и был призван в армию. Вернувшись, продолжил учебу.

— Как сложилась судьба дальше?

— После института получил свободное распределение и остался в Екатеринбурге. Это было трудное время. У меня уже была семья и родилась первая дочь. Мы с женой снимали квартиру. Я работал водителем на «чебурашке». Зарплаты хватало только на квартплату. Приходилось по ночам «бомбить», чтобы заработать на хлеб насущный. Потом я на рынке торговал с лотка помидорами, луком, чесноком, курицами. Занимался и оптовой торговлей. Продавал все: от кроссовок до водки. Когда в Екатеринбурге открылось представительство компании «Лукойл», устроился туда помощником коммерческого агента. За два года вырос до заместителя генерального директора. Был направлен на стажировку в должности первого заместителя генерального директора компании «Волгограднефтепродукт». Хозяйство было немалым: три с половиной тысячи человек с сотрудников, 200 заправок, 30 нефтебаз, 180 магазинов... Через год ввернулся на Урал и возглавлял представительство «Лукойла» до того момента, пока акционеры не приняли решение о его закрытии. Ну, а потом создал собственную компанию...

— В твоем рассказе прозвучал один из твоих жизненных принципов — порядочность... Что еще?

— Конечно, профессионализм. Причем, свою компетентность современный руководитель, должен повышать постоянно. Я это понял на своем примере. Когда уже руководил «Татнефть-Урал», поступил в Свердловский государственный экономический университет. Окончил его. Понял, что и этого — мало. Защитил кандидатскую диссертацию по экономике, посвященную проблемам собственности в России.

— Когда же ты отдыхаешь?

— Я, как и в юности, люблю охоту, рыбалку, сбор ягод и грибов. Когда еду на моторке по реке или качусь на снегоходе — отдыхаю самым настоящим образом. Еще одно увлечение — путешествия. Я объехал более двадцати стран мира. Но отдых и в турпоездках предпочитаю активный...

— Скажи лучше — экстремальный! Наталья рассказывала, что ты в свадебном путешествии устроил ей катание на слонах над пропастью...

— Но я же был на слоне с ней вместе. Об этом стоит рассказать подробнее. Мы были в Таиланде. Перелетели на самолете на север страны в город Чангмай. Потом вчетвером: мы и два проводника-тайца сорок километров шли по диким джунглям безо всякого оружия, с одними бамбуковыми палками в руках. Проводники говорили только на местном наречии, мы объяснялись с ними жестами, что добавляло драматизма и комизма ситуации. Ночевали в деревушке в хижине на бамбуковых сваях. Ночью вокруг нашего жилища бродил со страшным ревом какой-то хищник. Утром около нашей хижины мы нашли растерзанную собаку. Во второй день снова пеший переход на тридцать километров по джунглям, и еще десять километров по горной тропе на слонах. Никогда не думал, что эти громадные животные, так ловко карабкаются по скалам. Тропа, по которой мы двигались, была узкой. Слева — скала, справа — пропасть. День был очень жаркий, и слон все время норовил на этой тропке развернуться, чтобы спуститься к реке. Со стороны, наверно, это напоминало слоновьи трюки в цирке на тумбе. Только мы-то находились на слоне... А в третий день на утлом плоту, построенном своими руками, мы сплавлялись по горной реке километров пятьдесят. В конце пути получили мощный прилив адреналина...

— Тебе-то к адреналину не привыкать... Ты же боевыми единоборствами увлекался. Можешь рассказать об этом?

— Каратэ киокушинкай я начал заниматься сразу после армии. Хотелось сохранить ту физическую форму и закалку, которую получил в Группе Советских войск в Германии, где служил старшиной в артиллерийской разведке. После пяти лет напряженных занятий заслужил черный пояс, который вручил мне Президент Всемирной организации каратэ киокушинкай Шокэй Мацуи.

— Навыки, полученные в спорте, как-то помогают в твоей работе?

— Безусловно. Спорт, во-первых, дисциплинирует. Во-вторых, занятия боевыми единоборствами приучили меня взвешенно принимать решения, достигать своей цели и всегда помнить, что ничего невозможного нет. Надо просто много и напряженно работать.

— Владимир Николаевич, ты еще десять лет назад, когда мы только познакомились, говорил, что для тебя важно знать, что ты никуда из России не уедешь, что работать и жить будешь только здесь и хочешь, чтобы здесь жили твои дети. Что-то изменилось в этих твоих установках за последнее время?

— Принцип жить и работать в России и для России по-прежнему остается для меня неизменным. Прежде всего, потому, что здесь — моя родина. Здесь живут мои родители, моя жена, две моих дочери и сын. Потом, где бы я ни бывал, я не видел таких красот, как в России. А еще здесь лучшая охота и рыбалка. И наконец, здесь мои друзья, с кем могу посидеть, поговорить по душам... Вот ты поэт, а я генеральный директор компании. На Западе люди вроде нас могут пересечься разве, что на каком-нибудь рауте, кивнут друг другу, выпьют по бокалу шампанского и разойдутся... А так, чтобы по-дружески крепко выпить, после проговорить до рассвета, песни погорланить — такого нет нигде. Отсюда и вывод: выехать за рубеж на недельку-другую могу, а жить буду только здесь!

— В завершении нашей беседы предлагаю короткий блиц-опрос. Не возражаешь?

— Я готов.

— Какие качества в человеке тебе кажутся наиболее симпатичными?

— Чувство юмора и честность.

— Что вызывает неприязнь?

— Помпезность и глупость.

— Какие песни нравятся?

— Русский рок.

— Твой любимый напиток?

— Родниковая вода.

— Владимир Николаевич, я благодарю тебя за интересный разговор и желаю, чтобы твой бизнес соответствовал твоему любимому напитку — был также прозрачен и полезен для окружающих.

Беседовал
Александр КЕРДАН

ЛЕГЕНДЫ ДЕТЕЙ СОЛНЦА

Поэма Элен Марии Уильямс «Перуанские легенды» в шести частях, как пьеса в шести действиях, шаг за шагом разворачивает перед нами сюжет крушения великой империи инков. Книга, написанная в 1784 году в Англии, смогла увидеть свет в России начала XXI века благодаря мастерству челябинского переводчика Юрия Брызгалова. В 2004-м он впервые знакомит нас с Элен Марией Уильямс в сборнике переводов «Сквозь туман бумажного листка...», а через три года публикует на русском языке уже не отдельные её стихотворные тексты, а весомый исторический и поэтический труд.«Переводчики — почтовые лошади литературы», — говорил В. А. Жуковский. Элен Мария Уильямс сказала чуть поэтичнее и мягче: «Переводчики — это корабли, величаво плывущие по нетронутому океану, объединяя всех тех, кого, казалось бы, природа разделила навсегда»...

Элен Мария Уильямс тоже переводчик. Её перевод Бернадена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния» выдержал в Англии шестнадцать изданий! Смею предположить, что близость рода занятий и породила симпатию Юрия Брызгалова. К слову, только благодаря его умению, мы имеем возможность прикоснуться к тайне английской поэтессы. Других переводов её творчества в России нет.

Переводчик — это волшебный объектив, сквозь который мы видим то, что видел автор в другом времени и пространстве. И очень важно здесь, чтобы стекло объектива было чистым. Ведь чем выше мастерство переводчика, тем чётче проступает изображение перед нашим внутренним взором. В случае с «Перуанскими легендами» даже несведущий в английском языке читатель, чувствует кристальную прозрачность текста. Язык чист как ручей, берущий начало где-то там, в богатых золотом землях инков...

Ручей превращается в реку (речь), которая ведёт нас в страну гор и садов, страну гордых, благородных и честных (до наивности!) людей, жестоко поплатившихся за свою честность. Что стоят против подлости и пуль — честь и стрела из лука? В поэме шесть легенд-песен, каждая из которых носит имя женщины. Дочери, жены или возлюбленной храброго инки... Храброго и убитого. Сколько же надо мужества и преданности любимому, чтобы вслед за ним уйти в страну теней? Уйти по собственной воле.

...Что жить?!
Мне боль отца уже не разделить.
Я умираю, холодно в груди,
И тела слабого уж не спасти.
Прими меня, хранитель-ангел мой!
Ещё чуть-чуть — и мне глаза закрой.

Это слова Зилии — дочери зверски замученного жреца. Однако кроме мучителей и жертв появляется в поэме светлый образ заступника — испанского священника Лас Кааса, неугомонного борца за облегчение участи порабощённых. До сих пор он почитаем среди индейцев Южной Америки.

Каждая легенда в книге начинается её кратким содержанием, набранным мелким курсивом. Изменение шрифта оттеняет и подчёркивает красоту следующего ниже поэтического текста. У читателя появляется возможность сравнить вкус походного сухаря со вкусом ароматного домашнего хлеба. Прописывая краткие содержания, автор (или переводчик?) подготавливает нас к переходу из мира в миф. И мы с упоением за ним следуем...

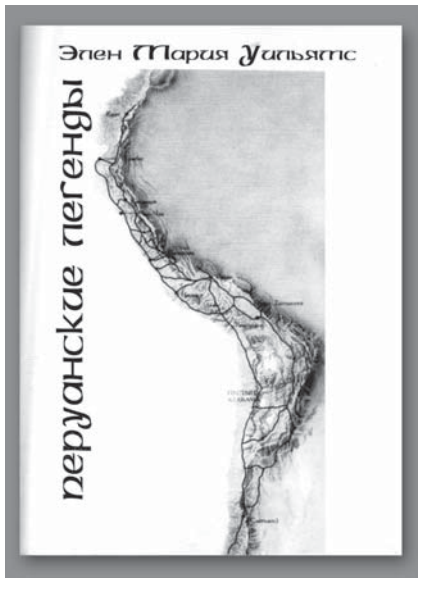
Вступительная статья и биографическая справка Э.М Уильямс (написанные переводчиком) придают книге завершённость. Статья начинается легендой о зарождении индейского царства, последние дни которого переживаем на последующих 92-х страницах. По легенде дети Солнца были отправлены на землю для преображения её, и наведения на ней порядка. Бог Инти (Солнце) вручил им золотой жезл. Там, где жезл без труда войдёт в землю, надлежало им поселиться. В долине под названием Куско (иначе — Пуп) золотой жезл вошёл в почву как в масло. Так появилось государство инков. Мы видим начало и конец, рассвет и закат великой империи. Изображение становится объёмным, представление целостным...

Женщина-автор и переводчик-мужчина гармонично дополнили друг друга. В результате текст приобрёл завершённую форму цельного, двуполого существа, в котором сочетается женская лиричность и мужская отвага. Читателя не покидает ощущение, что легенды пишутся от лица женщины, непосредственно переживающей все несчастья, выпавшие на долю её народа. Только женщина может так глубоко и тонко пережить радость любви, материнства, нежную привязанность к отцу. Но только мужчина может столь ярко, горячо и сильно прочувствовать сцены сражения, пленения и отмщения. Стоит отметить удивительную этнографическую и историческую точность легенд, аккуратность переводчика в этом вопросе. В «списке использованной литературы» мы видим пять серьёзных источников, в числе которых труд Гарсиласо де ла Вега «История государства инков» (Л.: Наука, 1974), прямого потомка инков по материнской линии!

Невольно возникают ассоциации с «Песней о Гайавате». Бунин получил за этот перевод Пушкинскую премию, но и работал над ним двадцать три (!) года. У «Перуанских легенд» в переводе Ю. Брызгалова, думаю, ещё всё впереди. Время проверит их ценность.

Наталья ПЕТРАКОВА

Уильямс Э.М (1752-1827). Перуанские легенды. Поэма. С примечаниями автора. — Челябинск: Цицеро, 2007 — 92 с.



Надоело!

или так дальше пить нельзя...

страницы из книги В.Михайловского

Я знаком с автором этой книги почти четверть века — ещё с тех пор, когда он организовал врачебную амбулаторию на станции Мегион, работая, по сути, земским врачом (в хорошем смысле этого слова).

Как врач, доктор Михайловский В.Л. одинаково успешен в организации здравоохранения, и в практической терапии, а в последние годы и в наркологии. Овладев самой передовой среди, в общем небогатой в настоящее время палитры методов лечения хронического алкоголизма — методом народного врача А.Р. Довженко, он несет людям добро и свет.

Разносторонность интересов автора, глубокое знание жизни простого человека, коренных жителей нашего края дают ему право коснуться и темы пьянства, ставшей в последнее время едва ли не самым актуальным и значимым фактором в развитии нашего общества. Это право подкрепляется высоким профессионализмом, как врача-психотерапевта, состоятельностью Михайловского В.Л., как писателя (он член Союза писателей России, лауреат Губернаторской премии по литературе), научностью подхода к проблеме, а он является автором пятнадцати научных работ, и еще — гражданской позицией неравнодушного человека.

В книге приведены живые примеры человеческого горя и отчаяния, борьбы и надежды, успехов и человеческого счастья тех пациентов, которым удалось победить свой недуг, а таких уже десятки тысяч!

Книга очень своевременна, также, как если б она была написана сто лет назад или сто лет спустя. Тема пьянства всегда актуальна, и не только в нашей стране, а во всем мире. Название очень точно отображает суть проблемы, каждый день мы, врачи наркологического центра «КОД» слышим от своих пациентов: «Надоело! Так дальше пить нельзя...»

Никакие многотомные руководства по наркологии не раскроют тему глубже и разностороннее, чем живая книга, написанная сердцем и умелой рукой. Вот почему я говорю: «Прочтите, и не говорите, что не знали...»

Илья ЭПШТЕЙН

руководитель Наркологического центра «КОД» г. Нижневартовска

На тему взаимоотношений человека и алкоголя написано достаточно много. Но, во-первых, те написанные когда-то книги затерялись в лабиринтах специализированных учреждений; во-вторых, выходили они в основном в те приснопамятные времена (конец 80-х годов прошлого столетия), когда идеология не могла не изгадить любую книгу; в третьих, листая некоторые научно-популярные работы, я ловлю себя на мысли, что авторы, будто специально высвечивают тему так нравоучительно и постно, что нужно иметь стальное терпение, чтобы дочитать до конца. Думаю, что и мне придется туго: ведь найдется достаточно много потенциальных читателей, которые только лишь открыв эту книгу, швырнут ее подальше, считая себя достаточно просвещенными в этой области. Ну, как же: алкоголь пьем, значит сами с усами, то есть можем теперь и сами книжки писать. Но не спешите швырнуть.

Я наверняка знаю, что глубоко деградированный человек, страдающий тяжёлой формой алкоголизма, ничего читать не будет, и ему эта книжка не нужна.

Я знаю также, что многих мужчин и женщин среднего возраста, чрезмерно увлекающихся алкоголем, эта книжка может даже раздражать, но то напускное. Тихо наедине с собою они с удовольствием ее пролистают. Будет от того большая польза? Возможно, и вероятность достаточно большая.

Молодые люди, только попавшие в алкогольную зависимость, могут высокомерно цыкнуть сквозь зубы: мол, это не для меня. Но, возможно в минуту тяжелого раздумья после очередного загула «с последствиями», зная о существовании этой книжки, сами ее найдут и прочтут, думаю, что-нибудь пойдет впрок.

И уж кому эта книжка будет и полезной, и небезынтересной, так это молодым людям, имеющим небольшой алкогольный опыт, или не имеющим такового, строящим планы на будущее. И, как ни странно, эта книжка нужна также родным и близким людей, страдающих алкогольной зависимостью.

Каждый школьник старших классов, прочитав эту небольшую книжицу, извлечет для себя нужную информацию, которая поможет ему как в недалеком, так и в достаточно отдаленном будущем избежать, возможно, самой губительной ошибки в жизни.

Я врач наркологического центра «КОД». Ежедневно от десяти до двух десятков человек обращаются ко мне и коллегам нашего центра с просьбой избавить их от алкогольной зависимости. Разными путями приходят они к такому решению: одних — заставили на работе, других — принуждают родные и близкие, третьи — лишены прав материнства и отцовства, и теперь поняв всю бессмысленность дальнейшей жизни без детей, ищут выхода из создавшейся ситуации. Но большинство все же приходят за помощью, осознав эфемерность пьяной угарной жизни, стремясь изменить вектор своих жизненных устремлений.

Сегодня закончился мой обычный рабочий день.

Беру верхнюю амбулаторную карту, перелистнул страничку, пробежал глазами по неровным строчкам моего прыгающего почерка, и явственно вплыл образ человека лет тридцати пяти, с достаточно правильными жизненными установками. Конечно, я его хорошо запомнил.

Молодой человек Сергей М. 1970 г.р. пришел на прием со своим товарищем, как оказалось партнером по бизнесу. Дружат они давно, решили сообща открыть свое дело. Есть уже первые успехи, но М. частенько (1 раз в две-три недели) уходит в запои по 3–4 дня, потом еще два-три дня теряется на восстановление. Абстинентный синдром (состояние похмелья) достаточно тяжелый: рвота, потеря аппетита, слабость, затем депрессивное состояние.

Недавно сорвал выгодную сделку: вовремя не поехал в командировку в другой город (был в запое). Раньше уже были случаи, когда подводил своего партнера и друга. Друг поставил условие: или М. лечится и не пьет, или он в дальнейшем обойдется без такого партнера-компаньона.

Оказалось, что и в семье у Сергея М. возникли неприятности: недавно поднял руку на жену, чего раньше не наблюдалось. Это случилось в присутствии его девятилетнего сына. Испытывает угрызения совести, сожаления о содеянном, и глубокое чувство стыда.

Сергей посетовал на то, что в последнее время стал агрессивен в состоянии опьянения, часто теряет контроль, случаются провалы памяти.

Очень подробно рассказал, как лет пять назад начал похмеляться, потом пил по два дня, затем похмеляться стал на третий день, а последний год часто случаются запои и по четыре дня. «Мои родственники уже поняли, что я запойный и отношения стали портиться. Ребенок уже все понимает... Стыдно перед женой... Надоело!».

Сергей М. понимает необходимость лечения, и я назначил ему время лечебного сеанса.

Сергей М. узнав в процессе беседы, что он будет лечиться методом А.Р. Довженко, и ему предстоит пройти сеанс лечебного гипноза, спросил:

— Скажите, доктор, на всех ли действует гипноз? Я когда-то был на представлении одного гипнотизера и заметил, что некоторые сразу «вырубились», а мне хоть бы что. Может меня гипноз не берет? И можно ли мне лечиться вашим методом?

— Видите ли, — ответил я, — нет людей, я имею в виду психически здоровых, не поддающихся гипнозу. Здесь уместнее говорить о разной степени гипнабельности. Когда я набираю группу для лечебного гипноза в состоянии сна, я с помощью специальных тестов обязательно подбираю группу с приблизительно одинаковым уровнем гипнабельности. Это необходимо для того, чтобы все погрузились в гипнотический сон одновременно. В данном случае я буду проводить сеанс лечебного гипноза в бодрствующем состоянии. Вы будете меня видеть и слышать, но вы будете погружены в состояние транса. В такое состояние транса вы уже погружались, и не раз. Это состояние характерно для людей, увлекшихся каким-то делом: чтение интересной книги или другая работа, требующая сосредоточенности. Человек в таком состоянии не слышит ничего вокруг, не откликаясь даже на свое имя, ибо занят интересным делом. Вот в таком состоянии транса вы будете находиться во время сеанса лечебного гипноза. Для меня важно, чтобы мои слова воспринимались человеком, и легко запоминались, ложились бы на уровень подсознания. В дальнейшем этими полученными знаниями человек будет пользоваться в своей повседневной жизни, не задумываясь. Он не должен каждый раз выстраивать логические цепочки вроде такой: «мне нельзя пить спиртное, потому что, если я выпью то...». Так же, как водитель, увидев красный свет светофора, автоматически нажимает на тормоз, не выстраивая логической цепочки: «мне нужно нажать на тормоз и остановиться, потому, что если я не остановлюсь, то я могу попасть в аварийную ситуацию...». Он просто ЗНАЕТ, что нужно делать и делает это, не задумываясь. Так и вы будете знать, как поступить в любой ситуации. У вас всегда под рукой будет своеобразный тормоз.

...Проблема алкоголизма стара, как мир. Еще Бехтерев Владимир Михайлович, великий невролог, профессор, основатель Психо- нейрологического института, в 1912 году стал инициатором открытия в Петербурге Экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма при Психо-нейрологическом институте.

Еще раньше в 1906 году Киевский съезд под председательством В.М. Бехтерева принял резолюцию:

«Алкоголики, как больные должны подлежать индивидуальному лечению всеми признанными для этого мерами, каковы суть: а) временные убежища для лиц, находящихся в состоянии острого опьянения, б) амбулатории для алкоголиков, могущих пользоваться на ходу гипнозом и другими физиотерапевтическими и фармацевтическими средствами, в) лечебницы для стационарных больных»

Великий ученый был чрезвычайно встревожен развитием алкоголизма в начале прошлого века в России: «...закрывать глаза на развитие алкоголизма в населении — это значит дать безмерно развиваться столь тяжелому социальному злу, которое уже ныне не только обессиливает население и экономически и морально, но и готовит для страны ослабленное во всех отношениях потомство.

Картину этого зла было бы не трудно представить в ряде цифр и еще легче нарисовать картину развращения, вносимого алкоголизмом в население, но это уже вопросы до такой степени очевидные для всех, что вряд ли еще кого-либо в этом отношении надо убеждать»

«...бедность и преступность, с одной стороны, и развитие нервных и душевных болезней с другой, — вот доказанные современной наукой гибельные последствия алкоголизма, которые заставляют говорить о себе...

Размеры зла увеличиваются еще тем, что алкоголизм является болезнью, поражающей воспроизводительные способности человека и приводящей к вырождению потомства. Таким образом, здесь дело идет о таком зле, которое глубоко проникает в природу организма, и в то же время путем огрубления нравов отражается на воспитании потомства действуя разрушительным образом на семью и на нравственные и физические силы подрастающего поколения...»

Ровно сто лет этим словам, а как современно они звучат. Будто к нам обращается ученый.

Я все же приведу некоторые статистические данные:

— каждая третья смерть в России напрямую связана с алкоголем (острое отравление алкоголем, травмы и несчастные случаи в состоянии опьянения, цирроз печени, хроническая почечная недостаточность алкогольной этиологии и др.).

— каждый алкоголик укорачивает свою жизнь на 15–20 лет.

— в ХМАО каждый двадцатый человек страдает хроническим алкоголизмом. В России этот показатель еще выше.

В. Михайловский. Надоело, или Дальше так пить нельзя. — Екатеринбург: Автограф, 2007.

Перемена состояния

После лета — это, конечно, осень. Понятно, что, называя так свою книгу, Татьяна Четверикова имеет в виду отнюдь не календарь, а определенное время человеческой жизни. Точнее, своей собственной жизни — а потом уже вообще человеческой. И на пороге этого времени, входя в «просторный мир нагретых сосен», признается в страстном нежелании прибегать к напрашивающейся далее рифме. Хотя, осознавая ее неизбежность, заранее настраивается: *«Как сумею, так переживу...»*.

Стараясь задержаться на этом пороге, поэт, словно нелепый жираф, тянется назад, «к старой дружбе и теплу». Ей кажется, что это август, как почти тридцать лет назад, плачет, «не отпуская ни в какую». А новое *«чудо снегопада/ чистый усмиряющий покров»* обнадеживает возвращением прежних чувств и ожиданий: *«...И если только город полночью/ Накроет снега пелена,/ Я буду нежностью девчоночьей/ И тихой радостью полна...»*.

Однако не зря говорят: почудилось... Рассеивается самообман, и наяву оказывается, что *«К любви предрасположенность и к чуду,/ Как облачко, исчезло в синеве...»*. И что город, на окраине которого совсем по-деревенски бабушка зазывала извалявшихся в снегу внуков погреться у печи, *«все растет. И нет уже у дочери/ Ни рифм таких в стихах, и ни любви такой»*. А постаревшая мама — *«теперь ребенок./ Капризный, резкий, злой и путающий дни...»*, и верная своему долгу автор, вдруг постигшая всю его тяжесть, с ужасом обнаруживает в себе способность вымолвить, казалось бы, кощунственное: *«Господи, дай ей легко... умереть...»*.

В такие минуты видится, что *«Время сжигает в небесных печах/ Все без остатка...»* и в жизни *«Не держат ни любовь, ни дело — / Одна зола, одна зола!»*. И даже *«особой породы врачи/ Их тихие речи,.. воды и травы»* не помогают.

Однако и это — лишь состояние. И вот уже снова находится оправдание пожизненной привязанности к стихосложению — ведь и *«Звезда с звездою говорит,/ Душа с душою — говорит,/ Не объясняется на жестах»*. И, может быть, последующий суд окажется не столь уж страшен, *«И те, кто так меня лелеял,/ В свой срок в небесные аллеи/ Меня подружески введут...»*.

Поэт и сама не держит на сердце зла — ни на кого, даже на оставившего ее мужчину, с которым по-прежнему продолжает заочный разговор, снова переходя в стихах от душевного соединения, когда еще до звонка распознаешь, кто там за дверью, к равнодушию: *«...мы просто соседи,/ по шару земному, по веку...»*. Но сожаление: *«А дочь с твоими же глазами/ Уже не помнит о тебе...»* — выдает, что совсем уж заровнять не получилось. Хотя прохладная успокаивающая мудрость все чаще осеняет чело и уста: *«...Поймешь, что жизнь пора/ Упрятать глубже, внутрь.../ До глубины такой, седея, дорасти...»*.

Но сердце опять-таки не остыло! И когда *«...Придет: живи по благодати./ И дальше некуда бежать...»*, это «некуда бежать» выдает не только облегченный вздох освобождения от суеты, но и страх замкнутого пространства. А необходимость следовать традиционному набору признаков высокопарной мудрости навевает только скуку. И, хотя чужие стихи о любви, которые несут автору как признанному сэнсею начинающие, уже достали, пишутся собственные про то, как *«...не раз телефонная будка/ Спасала двоих, заплутавших в метель...»*.

Тогда появляется и новая надежда – на то, что стихи не зря, ведь *«То, что разливает ноосфера,/ Кто-кто должен все же собирать...»*. И приходят мысли о будущей, следующей жизни, в которой *«...я стану/ учителем вечерней школы...»*. Хотя, чувствует в итоге поэт, и *«После лета — продолженье жизни./ Пусть и скрытно, медленно и все же:/ в норках, и в берлогах и в сугробах,/ в старых письмах, новых ожиданьях/ и надеждах — жизнь...»*. А если так, *«...значит, незачем бояться/ после лета...»*.

Андрей РАСТОРГУЕВ

Четверикова Т. После лета. Новые стихи. – Омск, 2007 г.

Продолжение эпоса

Похоже, не успела Бажовская энциклопедия выйти в свет, как у нее появился повод для переиздания. Во всяком случае, статья «Премия им. П.П.Бажова», содержащая список лауреатов этой премии в ее литературной ипостаси по 2005 год, устарела уже на два года. Является ли это недостатком толстого — в 640 страниц — тома, пусть знатоки обсуждают потом, равно как и другие его достоинства или огрехи. Главное — значение капитального труда, который при участии Института истории и археологии УрО РАН, Объединенного музея писателей Урала и Уральского государственного университета осуществили редакторы-составители энциклопедии, профессоры филологического факультета УрГУ Валентин Блажес и Мария Литовская — сомнению явно не подлежит.

Изображенный на обложке седобородый дед с табачной трубкой знаком едва ли не каждому уральцу, появившемуся на свет, начиная с середины XX века. И с того же времени входит в жизнь каждого из подрастающих поколений так рано, что они в большинстве своем напрочь перестают отличать его сказы от сказок. Тем более этому весьма содействуют та же самая дедморозовская борода и стариковский прищур.

Впрочем, по свидетельству историков литературы, бажовское сплетение с фольклором, отнюдь не тяготившее читателей, сбивало с толку критиков уже в конце 1930-х, когда стали являться людям первые самоцветы из «Малахитовой шкатулки». И все-таки образы Бажова углубились в нашу аборигенную жизнь настолько, что авторы энциклопедии сочли необходимым включить в нее специальную — и местами почти до ерничества живую — статью о китчевом тиражировании этих образов в массовом искусстве. Снабдив ее репродукциями водочных и пивных этикеток и отметив, к примеру, что эти образы вполне соперничают с куклой Барби, Микки-Маусом и прочей голливудской продукцией, а чуть измененная фраза Хозяйки Медной горы насчет каменного цветка прочно вошла в народные анекдоты.

Отделить все накопившиеся за полвека наросты от сущности бажовского свершения — уже одного этого было бы достаточно. Составители примерно так и определяют свою задачу: подытожить многолетнее изучение наследия писателя, дать «наиболее современный свод сведений о его жизни и творчестве». Но, стремясь к этому, тут же дополняют: «По сути, Бажов создал авторский эпос Урала...», целую систему региональной мифологии. То есть сделал то же самое, что и целый ряд других литераторов в ситуации, именуемой кризисом идентичности.

С «Илиадой и «Одиссеей», «Ригведой» и «Авестой» сопоставляет эту систему в отдельном «Слове о П.П.Бажове» и Майя Никулина, которая давно и по заслугам присовокупила к своему имени звание не только писателя, но и исследователя. Принимать или оспаривать это сопоставление — воля каждого из читателей. Однако — да не покажется преувеличением и это — тем самым Бажовская энциклопедия весьма достойно встает в длинный ряд, начатый два с половиной века назад французом д'Аламбером и продолжаемый в последнее время энциклопедиями, выходящими во многих российских регионах. Подобно им, она формулирует основы той же самой региональной идентичности, потребность в которой весьма ощущается, несмотря на сегодняшнее выстраивание всех и всяческих вертикалей — а, может быть, и благодаря ему. Но, в отличие от своих сестер», носит имя не территории, а почти современного многим из нас сказителя.

Правда, то же определение основ может обозначать и границу, за которой они сталкиваются с вызовами нового времени. Насколько позволяет бажовская мифология обозначить уникальное место Урала в сегодняшнем глобальном мире? Или XXI веку нужны новые образы? Возможно, и на эти вопросы, все острее встающие перед не только регионами, но и целыми странами, придется отвечать уже во втором издании...

Андрей РАСТОРГУЕВ

Бажовская энциклопедия / Редакторы-составители В.В. Блажес, М.А. Литовская. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ»; Изд-во Урал. ун-та, 2007.

БОГАТЫРСКИЙ УРАЛ ЮРИЯ КОНЕЦКОГО

Летом 1964 года Юрий Конецкий — семнадцатилетний школьник из Серова, одержал триумф на уральском поэтическом Парнасе: цикл стихов, опубликованных в молодёжной газете «На смену!», принёс ему победу в областном поэтическом конкурсе. Потом было много интересного и значительного в жизни Юрия — и ранние столичные публикации, и выход первой книги «Голуби в цехе», и горячее внимание к его творческой судьбе уральских поэтов-классиков Бориса Ручьёва и Людмилы Татьяничевой. И драгоценный подарок судьбы — сердечная встреча и — увы! — недолгая дружба с выдающимся русским поэтом Николаем Рубцовым.... И если признание больших русских поэтов к нему пришло почти сразу, ибо крупный талант — это божий дар, грех его не заметить, то до получения членского билета Союза Писателей СССР поэту многое пришлось пережить. Поработал он и электротермистом, и молотобойцем, и промывальщиком золотых проб, и агентом госстраха... «Жизнь, — считает Юрий Конецкий, — настоящему поэту на то и дана, чтобы сквозь её тернии прорываться к звёздам Поэзии, испытав на Земле всё то, что выпадает на долю его читателей и современников».

Урал со времён легендарного Ермака и до наших дней — таков диапазон постижения истории родного края в фундаментальных художественных вещах поэта. «Уральский временник» — свод поэм Юрия Конецкого, — прочно вошёл в золотой фонд отечественной поэзии. Напоённая глубинной мыслью и чувством, незаурядным знанием жизни, его полнокровная эпика изначально экспрессивна, темпераментна, наполнена звучной музыкой языка, не засушенного, как опавший лист, меж страниц академических словарей, а живого, играющего, словно праздничная бражка в майском бочонке. История Урала прочувствована и воспета Юрием Конецким так осязаемо и зримо, что при чтении поэм, написанных необыкновенно ярким и сочным языком, с первых же строф начинает срабатывать «эффект присутствия»... Наряду с рельефно выписанными судьбами героев одним из главных действующих персонажей стала и уральская природа.

С выходом в столичном издательстве «Московский Парнас» трёхтомника «Собрание Сочинений Юрия Конецкого», стал по-настоящему виден богатырский размах поэзии современного русского поэта, где многообразие жанров отразило широту его творческих интересов. В трёхтомнике впервые вместе собраны и прекрасные лирические стихотворения, которые поэт раньше старательно упрятывал в тень своей большой эпики. Это стихи, посвящённые жене: «Любе», «Наяву», «Плащик», «Сын», «Река» и ряд других, в которых поэт искренне и предельно открыто говорит о самом прекрасном человеческом чувстве — о любви:

Я люблю тебя в домашнем платье
Без житейской взвинченной игры,
Возле самой маленькой кровати
У ночной разбуженной поры,
И улыбка сына золотится
В голубом фланелевом венце,
И мерцает святость материнства
На твоём измученном лице.

У Юрия Конецкого есть и книга стихов для детей «Сверхсекреты»:

...Ах, тот сверхсекрет
через несколько дней
Хранили все люди планеты моей...

Вот как отзывается известная поэтесса Римма Казакова: «Я читаю книгу этих свежих, неожиданных стихов, не рассчитанных на какой-то определённый возраст, а скорее выражающих детскую свежесть восприятия самого автора, детскую радость бытия, интерес к жизни», и выражает уверенность, что книга «принесёт каждому нашему маленькому гражданину много радости, глубины и красоты».

Уважительно вглядывается поэт и в мир «братьев наших меньших». Трогают своей искренностью такие великолепные стихи, как «Пёс», «Лось», «Медвежонок», «Танец белого журавля» и другие, где в образной системе поэта судьбы людей и животных, метафорически дополняя друг друга, с равной нагрузкой несут вечные истины добра и справедливости.

Елена ЗАХАРОВА

Только любовь

Все стихи — о любви. Любовь — не столько тема, сколько причина каждого стихотворения. Поэзия, как и сама жизнь, без неё — мёртвая оболочка, шелуха слов, душная пыль. Но только пройдёт сквозь духоту луч странного, необъяснимого света — и всё выстраивается вокруг него, как вокруг магнита, приобретает смысл, становится бесконечно значимым. Только возлюбленные — мы узнаём, что существуем. Только влюблённые — мы сами дарим жизнь. Всё остальное обречено и гибнет в обыденности.

«Век любви» — назвал свою новую книгу стихов екатеринбургский поэт Александр Кердан. Как всякий образ, название многопланово. Споря с Надсоном, утверждавшим: «только утро любви хорошо», автор задаёт три временных координаты любви — и самого бытия: утро — свет рождающейся любви, полдень — её расцвет, ночь — то печальное время жизни, которое способна оправдать и согреть только любовь. Но в названии не только возрасты любви — есть, наверное, и прямой вызов веку, которому любви не хватает как света, как чистой воды, как самой истины.

Некое противоречие задано уже в первом стихотворении. «Пока мы живы, с нами праздник наш» — этими строчками оно начинается, и тут же — в следующем четверостишии: «Иллюзию не в силах превозмочь...» Дальше волей-неволей читаешь пристрастно, если не придирчиво: о чём стихи? Праздник любви — или иллюзия, мираж?

В книге объединены общей темой стихи, повествующие о чужих судьбах (отстранённо, на уровне некоего сочувствия), о сюжетах собственной жизни, но проходит через всю книгу и тот самый луч, чистый свет — стихи-состояния, стихи-чувства. Именно здесь стирается грань между праздником и иллюзией: то, что пережито сердцем, становится реальностью и приобретает силу истины.

Странная вещь — поэтическая форма... Её сквозные созвучия завораживают и притягивают, но почти всегда остаётся чувство недовольства — что-то, что мерцало сквозь слова, неумолимо улетучивается с бумажного листа! На самом-то деле всё просто: стихи — форма не повествования, а переживания, они способны воспроизводить не сюжет, но само состояние, которое более мерцает за словами, чем отражается в них.

Вот оно, «утро любви»:

Ведь то, что нам сейчас дано,
Так неугаданно и сложно,
Что ближе быть — уже смешно,
А дальше — просто невозможно...

или:

Нам ночь дана, короткая, как миг,
Наполненная счастьем, словно чаша.
И виночерпий — сумрачный старик —
Простить готов все прегрешенья наши...

и ещё:

Тихой музыкой
Венчаемы
Все надежды,
Все отчаянья,
Все неслышные слова...

и

Кто одиночеством храним
И впрок потерями испытан
В любви, не отягчённой бытом,
Но всё же порождённой им, —
Тот знает: праздники нечасты...

Только обнаружив себя в магическом зеркале любви, только озарённый её светом, ты вдруг ощущаешь свою причастность всему, что происходит в мире, и странное дело — центром этого мира, его средоточием становишься ты сам... Вокруг влюблённых плавится воздух, затихает гул пространства, останавливается время. Только помни, что и ты — зеркало, и ты — подтверждение чьего-то бытия! В юности чаще всего забывается именно это... Лирический герой «Века любви» удерживается над бездной не-бытия на тонкой соломинке чувства:

Я мог бы тобой любоваться всю жизнь,
Но слишком уж жизнь коротка...
Скажи, что и ты меня любишь, скажи,
На свете мы вместе пока.

Но ты так прекрасно умеешь молчать,
Что просьбу назад я беру,
Чтоб снова тобой любоваться начать,
Поверив, что я не умру.

Пока под небесной дугой грозовой
Прозрачен и призрачен свет,
Пока я могу любоваться тобой —
Без всяких признаний в ответ.

Утро любви в книге постепенно набирает свет от стихотворения к стихотворению: «Живая вода», «Когда сойдёт июльская жара…», и вот начинается полдень: «Поспорь со мною, женщина, я сам // Готов оспорить каждое мгновенье, // Но продолжаю верить в чудеса, // Как в некое счастливое знаменье. // И пусть ты это детством назовёшь, // Во мне и правда детство остаётся, // Как первый в мае настоящий дождь, // Как одуванчик, что стать выше рвётся. // И пусть пора настанет отцвести, // Он всё равно доверчив, как в начале…»

Но к полудню появляется и другое: «По сердца горестным заметам // Гадая, словно по судьбе, // На стыке осени и лета // Не доверяю сам себе…» Рефрен этого стихотворения — смысловая инверсия: лето и осень меняются местами, без любви неумолимо нарушается порядок вещей и нарастает отчуждение: страшно доверять себе, страшно доверять любимой, так легко не верить никому! И это неизбежная смерть. А уже на следующем книжном развороте появляется магическое, спасительное:

Я с детства яд по капле пью,
Чтоб эту чашу выпить сразу,
Приняв смиренно горечь фразы:
— Прости, тебя я не люблю...
Ведь надо многое узнать,
Чтоб ядом сердце укрепилось,
Чтоб и такой ответ, как милость,
Без озлобления принять...

И дальше:

И не важно: стало ли судьбою,
Иль осталось вечною печалью...

и

Ночь глуха
И милостива, как
Женщина,
ушедшая к другому.

Среди бесчисленных тайн любви — тайна её постоянства. Каждый приходит в мир с золотым запасом любви. Запас этот можно растранжирить, спрятать (тоже форма утраты) или умножить — однако в любом случае изменяемся мы, любовь неизменна. Она сияет — а ты гаснешь в страхе, цинизме, «житейском опыте», и, обжигаясь, торопливо чиркаешь спичками чувств, чтобы стало светлее хоть на мгновенье, чтобы увидеть себя настоящим, живущим... «Случается, накатывает страх, // Охватывает вдруг оцепененье, // Как будто собственное отраженье // Ты не находишь больше в зеркалах...»

Но она всегда рядом:

Ощущение счастья
похоже на мёд,
до того, как собой
он становится в улье...

Последняя часть книги — «Ночь». Для вечного века любви — то грустное время жизни, когда спрашиваешь себя: что сделал ты с данным тебе сокровищем? Закрыл ли в своей душе на замок в страхе, что никто не оценит твоего дара? Растратил ли его в бессмысленной погоне за тем, что никогда тебя не покидало?

Согрей меня, а я тебя согрею
Улыбкою иль словом — всё равно...
В воде монетка мелкая тускнеет,
Рыбёшкою скользнувшая на дно.

Увидимся ли вновь? Монетка эта
Сулит надежду праздному уму...
Пока мы вместе — ни к чему приметы,
Расстанемся — и вовсе ни к чему.

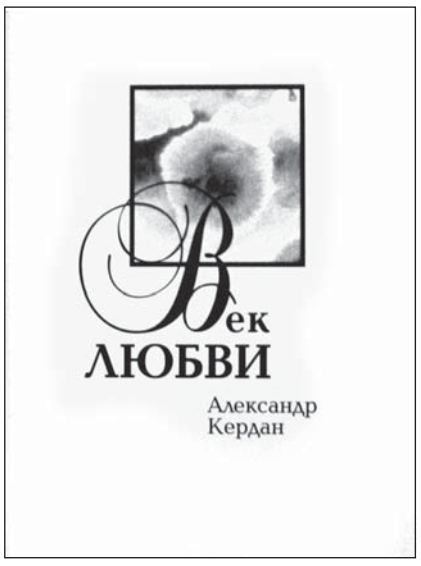
Ну а сейчас, к воде склоняя лица,
Поверим рассужденьям вопреки,
Что для чего-то робкий свет струится
Со дна реки.

Или так, от горечи к мудрости: «Мы — одиноки, и настолько, // Что жить не можем без оков»; «Сначала всё выдумал из ничего, // А после оплакал некстати...»; «Вот так бы между былью-небылью // Застыл, и всё глядел, глядел // На сон её, как будто в небо я, // Куда ещё не улетел»; «Нет ничего мудрее ожиданья, // Когда ты веришь, что придёт она — // Другим принадлежащая весна, // Несущая тебе одни страданья...». А от мудрости — обратно к любви, потому что из миллиардов зеркал, так или иначе подтверждающих наше бытие, чисто и милосердно лишь одно — её — зеркало:

Неужели ты любишь меня, неужели,
Через все расстоянья, разлуки, метели,
Ни на что не пеняя, ни в чём не виня,
Неужели ты любишь меня?..

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Александр Кердан. Век любви. — Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2006. — 200 с.



ЖИТЬ пытаются

Разобщённость отечественного литературного пространства, не позволяя многим достойным авторам получить общенациональную известность, в то же время даёт возможность в любой момент представить любого из них как новое открытие — во всяком случае, читателю, который впервые видит и слышит их имена. Вот и я, грешный, открыл для себя уральца Александра Чуманова, только вернувшись с Севера, где провёл большинство из тех двадцати лет, которые миновали со времени выхода его первой отдельной книжки.

Вначале он заочно — через купленный мною сборник «До востребования» — представился поэтом, а потом — уже лично, вручив только что увидевшую свет «Житуху» — и прозаиком. Судя по дарственной надписи, главной для себя Александр ощущает вторую ипостась, почитая себя в ней «изрядным», а в первой — с некоторыми оговорками. Так оно, по-моему, и есть. Однако не только выдающаяся из общего ряда чумановская проза, но и крепкие, местами шершавые стихи не оставляют места для высокомерной снисходительности, являя, по сути, единое воплощение цельного способа жить и думать по-человечески в сегодняшней российской провинции. Сиречь практически на всей родимой территории за пределами Московской кольцевой автодороги.

В духе народной оперы

Такого обильного снега
не видывал я никогда.
Не видывал сроду, чтоб с неба
вот так — за звездою звезда
срывались и падали звёзды
не камнем, а плавно паря,
лучами цеплялись за воздух —
непрочную ткань января...
Когда-то, конечно, растает
и лёд на окошке, и наст...
Но звёзд невесомая стая
невидимым пеплом на нас
уже, очевидно, осела.
Осела и мне на тетрадь...
Светает... Хорошее дело.
Пора уже снег убирать.

Похоже, подобная лирика прорывается у нынешнего Чуманова нечасто — во всяком случае, в этом его стихотворном сборнике. Разве что ещё сильнее — в строчках о мимолётности жизни, ощущение которой свойственно, наверное, всем, кто познал к её середине или исходу ценность каждого из мгновений. Впрочем, хотя небольшой городок возле Екатеринбурга и перенял у здешней речушки склоняемое по-женски имя, живущему в Арамили мужику нежности вроде бы как и не пристали. Вот и собственной жене после долгих прожитых вместе лет этот самый мужик под теми же звёздами вновь признаётся в любви совсем по-вахлацки: *«...между прочим,/ мы были счастливы... Кажись.../ Или — не очень?/ Однако — я тебя всегда.../ Ну, в общем, это.../ Гляди, гляди: летит звезда!../ Да всё уж. Нету...»*

А вот нежно относиться к рыбалке те же самые мужицкие заморочки вполне

ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

читатели и герои Александра Чуманова

позволяют. И к природе, на которой она происходит, тоже — например, к тихому озеру Аллаки, *«где колют острогою щук/ простосердечные татары...»* и *«даже небо и трава/ сливаются в счастливом браке...»*.

В посёлке, из которого Арамиль отнюдь не давно возвели в городской разряд, и дипломированная-то интеллигенция *«врастает постепенно в почву — / сперва плохого огорода,/ потом ухоженного сада...»* и не только забывает про вернисажи и новые книжки, но и старые-то мечтает сбагрить кому-нибудь. Чего же ждать от недоучившегося инженера, за какие-то провинности, а то и просто за нерадение сосланного из института в стройбат, а потом, похоже, надолго задружившего с алкоголем? Во всяком случае, именно таким рисуется лирический герой Чуманова, появившийся на свет после войны, но всю жизнь ощущающий на себе её отдалённые последствия:

...Меж водочкой и портвейном
родителей я жалел..,
но не любил. А это —
страшнее самой войны...».

Ему и успешный — две дочери какникак, и внуки уже — результат семейной жизни не приносит отрады, ибо старая зырянского, похоже, корня фамилия прервется на нём:

Угас бесславно мой старинный род.
Я — патриарх на колченогом стуле...
Переходили речку Лету вброд,
и все в ней поголовно утонули...

Так что воспоминание о берестяном чумане, а, по-русски говоря кузовке, туеске ли оканчивается печальным: *«Родина — пермского тракта верста.../ Да и сгораю-то — как береста...»*.

Семейству от него тоже мало проку: *«...Я, вообще-то, был всегда поэтом,/ но что такое для семьи поэт?..»*, тем более теперь, когда *«...непотребное старьё,/ что раньше было мускулистым телом/ и безраздельно подчинялось мне...»*, мешает даже отправиться за грибами. И это усугубляет горечь трезвого безжалостного признания:

По существу, вокруг меня — пустыня.
Живая да и мёртвая вода
иссякли. Только в небе ярко-синем
сияет равнодушная звезда.
Да ветер. Да бессмысленная почва.
Да ветром уносимые слова.
Здесь никакая не привьётся почка,
и никакая не взойдёт трава.
Петляет бесконечная дорога.
Песок заносит моментально след.
По существу, я нужен только Богу.
Но Бога-то в наличии и нет,
который душу осторожно вынет,
открыв тем самым новую главу...
По существу, вокруг меня пустыня.
Пустыня и во мне, по существу...

И всё-таки этот рефлектирующий недоделанный интеллигент — лишь сценический образ, маска, хотя и, похоже, приросшая к лицу: *«Ну, а мне в этой пьесе выпало/ сотворить максимально выпукло/ «арамильского мужика»,/ замороченного слегка...»*. Глумясь в этой шутовской маске над округой и самим собой, поэт на самом деле отводит-таки себе роль куда более высокую:

В данной точке мирозданья,
ото всех других отличной,
исполняю, горемычный,
персональное заданье.
Все спокойно. Баю-баю,
бедняки и нувориши.
Образцово прозябаю
по распоряженью свыше.
Прозябаю, прозябаю,
словно врытый в землю витязь...
Порезвитесь, раздолбаи,
порезвитесь...

В общем, не «глаголом жги сердца людей», но из той же оперы. Или её более легкой сестрички, которая в Австрии, например, прямо именуется оперой народной, но тоже повествует о высоком — подобно чумановской, по его собственному определению, «плебейской поэзии». Соответственно этой традиции и надетой на себя маске, автор видит в себе кустаря, который бывает *«в читающих семьях/ собеседником и сострадальцем,/ проповедником, комедиантом,/ долгожданной хорошею вестью...»*. А что слог не слишком возвышен, то просто вдобавок *«...годы к просторечьям клонят,/ как ветку долу клонит снег...»*.

Однако читающих семей в провинции не так уж и много – вот и с посмертными своими переизданиями автор рекомендует не спешить:

...Пусть лучше выпьют за меня ханыги!
Нечитанные книги — это фиги
убившему на них свои года,
что хуже забытья...
И всех моих писаний городьба
пускай не давит никому на плечи,
поскольку — не судьба так не судьба —
не Пушкин ведь, не Чехов же — и неча...

Да что там — от своей же творческой братии похвалы не дождешься: *«...Наконец-то скажут мне писатели:/ «Поздравляем, гениально, Саш!»*.

Но братия эта всё-таки есть — рабы и герои словесности, её же чернорабочие, *«до водки и женщин охочие»*, инвалиды чернильной удачи. И пускай они, хотевшие *«ни мало, ни много —/ способствовать Замыслу Бога...,/ легли, между прочим, костьми,/ чтоб нелюди стали людьми...»*, пускай они не вспомнят о тебе, который *«во льдах и песках Арамили/ растворился, как света комок...»*. Всё равно ты — один из тех кочетов, что *«в обличье человеков/ в глухоте проделывают брешь...»*. А в другую минуту — старомодный Робинзон Крузо, а то и кое-кто повыше: *«В шестиметровой мастерской/ никто учить меня не волен.../ Манипулирую тоской/ и звоном нищих колоколен,/ и нескончаемым дождём,/ шуршащим в садике убогом.../ Я тут работаю вождём,/ а временами даже — богом...»*.

С настоящим Богом, правда, у него отношений как бы никаких и нет: из атеистов в сильно верующие перескакивать не торопится, вдруг находя, к примеру, удивительным то, что за Прощёным воскресеньем следует Великий Пост. Ведь и вправду: только вроде бы простили друг другу все грехи и обиды, а тут опять повод скорбеть о человечьем несовершенстве. Что же до внешней обрядовости, то, по его мнению, Господь и так *«видит, что у нас к чему./ И золотые купола да звоны, / я думаю, до лампочки ему....»*.

И всё-таки в часы уныния, когда ощущает, что его *«...душа — автограф на воде.../ по сути дела — плеск весла»* и что *«я тоже скоро дымом стану,/ килокалорией тепла...»*, или видит себя невостребованным письмом, которое разминулось с адресатом, или сознаёт, что *«...нет, братцы, истины в вине,/ как нету, видимо, и выше...»*, всё-таки находит поддержку: *«...Бога нет. Но сколько душ-то/ прорывается к нему!»*.

Эта поддержка — и в рождении нового жизненного круга, когда *«в двухтысячепервом году»* он, уже дед, ведёт внука в ту же школу, *«в которую сам был ведом/ когда-то в полсотни седьмом...»*. И в том, что *«...так вот выглянешь в окошко/ в феврале, в последних числах,/ и невидимой гармошкой —/ в сердце звон простейших смыслов...»*.

За окошком, правда, ещё много чего на глаза попадается — дворцы новорусские, например:

Граждане возводят терема —
налицо отсутствие ума...
Я так, например, уже предвижу
роковой реванш злосчастных хижин
и за терема не поручусь —
это Русь.
Она такая, Русь...
Наплевать бы — только всякий раз
«мочат» за компанию и нас...

Опять же не возвышенно, согласен. Но что поделаешь, коли пейзаж таков — что исторический, что современный? Причем в натуре, заметим по ходу, он наверняка сопровождается немалой матерщиной.

Однако, в отличие от многих именуемых современными авторов, которые то и дело норовят вставить это сопровождение в строку, Чуманов, несмотря на свою подчёркиваемую мужиковость, обходится без него. И в том подчёркнуто старомоден: *«...обязан же кто-то ведь/ проповедовать вечное...»*. И пусть никому, даже себе, ничего за жизнь не доказано, пускай увязанная бечёвкой пачка твоих писем «о любви, о трудах, о борьбе» до скончания века никем не будет прочитана — *«...сердце, покуда стучит оно,/ всё не может.../ без полёта, смертельно опасного/ за пределы тоски. В никуда...»*.

От этой тоски автор способен и не решившуюся кануть в омуте васнецовскую Алёнушку вопросить: *«...Алёнушка, не лучше утопиться ли,/ покудова не грянула зима?..»*. Однако с высоты и отдаления того самого полёта видно, что лучших, чем нынешнее не лучшее, времён на Руси с ходу и не сыщешь. Ведь и прежде *«случалось, что Святой Георгий в стремя/ не попадал ногою иногда...»*.

И поскольку — прежде всего по возрасту:

...с любимым,
но свихнувшимся Отечеством
становится, увы, не по пути,
хочется уйти по-человечески,
а не на четвереньках уползти.
Не звякая дурацкими медалями,
не клянча у правителей гроши —
уйти под флагом пламенной души,
которую антихристу не сдали мы!

И даже от последнего собутыльника, с которым приходилось делить компанию — *«как от Родины не отрекусь...»*.

Тоже, между прочим, вполне мужская, мужицкая позиция.

Без чернухи и порнухи

Уже по стихам заметно: кроме всего вышесказанного, а то и прежде или чаще того удерживаться в пустынной провинциальной жизни автору помогает всепроникающая ирония. Вообще: по степени её концентрации в одной смысловой единице печатного текста Чуманов — надеюсь, специальные филологические изыски, которых он достоин, подтвердят — вполне может потягаться с записными московскими шутниками.

А если считать иронию непременным признаком постмодернизма, этот арамильский мужик — самый крутой постмодернист и есть. Но поскольку во всём остальном — в передирании и выворачивании цитат, например — по причине опять же своей реалистической старомодности отнюдь не усердствует, то — чем чёрт не шутит? — вполне может представить богатый оригинальный материал для сопоставления со, скажем, Салтыковым нашим Щедриным.

Правда, «Изергильские зори», именованные сказаниями о муниципальном образовании, будут потоньше «Истории одного города» — так и время нынче иное. К тому же Салтыков, который Щедрин, во многих городах живал и служивал, тем паче вице-губернатором. А параллель между Изергилью и Арамилью очень уж прозрачна, Чуманову же там ещё жить и жить, и отнюдь не в административных чинах...

Впрочем, власти в этом МО какие-то уж супер-продвинутые оказались: сами же и спонсировали издание «Житухи», в которую это, казалось бы, насмехательство включено. Чем, по-моему, заслуживают немалого уважения — как минимум за понимание возможностей отечественной литературы в том, что на современном малолитературном русском языке называется позитивным позиционированием территории.

Само это название — Изергиль — казалось бы, опровергает выданную выше мысль о несклонности автора к цитатам. Однако, утверждает он, это пролетарский классик «здорово подгадил.., дав звучное имя... одной древней болтливой старухе».

Тогда как изначально оно якобы принадлежало то ли татарской, то ли башкирской красавице, которая от роковой любви бросилась в воды местной реки Впреть — тоже не слишком завуалированная параллель с названием реальной Исети, что принимает в себя в черте города арамильские воды. Качество которых — уже объединённых — «в последние годы из-за паралича промышленности вышестоящего губернского центра стало неуклонно повышаться», в результате чего

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 12 ⇨

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 11

в местном пруду расплодилась рыба, и расплодившимся в ответ рыбакам попалась на крючок в образе старой русалки та самая красавица.

Якобы присутствовавший при этом автор только описание этой поклёвки и её благодатных последствий и ставит в заслугу себе. Происхождение же остальных баек приписывает землякам, явно узнаваемым не только ему, но и читателю, в том числе никогда в его богоспасаемом граде не бывавшему. Наверное, потому, что грады наши, МО по-нынешнему — словно семьи, о счастье и несчастье которых рассуждал, насколько припоминается, уже другой классик.

Из Арамили перебралась в своё, советское время в Екатеринбург, тогда, естественно, ещё Свердловск — теперь уж всё своими именами — и Алевтина Никаноровна, одна из героинь романа «Три птицы на одной ветке». Для неё это конечный пункт некороткого жизненного пути, что начался в простуженном столыпинском вагоне, везущем раскулаченных в неведомую даль: «когда рельсы в конце концов кончились, она успела привыкнуть к смерти и маленькое её сердце, окаменев, перестало расти, отчего в нём уже с тех пор мало места для излишеств, хотя главную свою функцию этот орган до сих пор выполняет на редкость ответственно...».

Крестьянскими корнями можно было бы, конечно, объяснить и её ежегодное копание на четырёх дачных сотках, тем более что именно на свою кулацкую родословную она ссылается, щедро расплачиваясь с иногда призываемыми на помощь соседями.

Но тут, скорее, опять же свойственное нынешнему «российскому старчеству» стремление не выпасть из жизни, не замкнуться в своих, кому их сколько в итоге досталось, квадратных метрах. Хотя, принципиально гордясь своим происхождением, бабушка — имеются, понятно, и ещё два, а потом и три поколения — «теперешним званием екатеринбурженки ничуть не дорожила», сведя жизненные требования к наличию воды и тепла да близости магазина и собеса.

А вот дочь Эльвира после долгих кочевий с родителями по разным сёлам да посёлкам и жизни в студенческой общаге прониклась свердловским патриотизмом. Какового, впрочем, собственной дочери Софочке передать не сумела, и та после школы рванула учиться в «Европу» — то бишь Рижский институт гражданской авиации. Потом аспирантура в Москве, вполне прагматичное замужество, свадьба, во время которой прилетевшую с Урала мать включают в процесс, а бабушку оставляют в гостинице, чтобы она своим плебейским видом не унижала внучку в глазах коренных москвичей...

Нет, на второй день новобрачные с ней, конечно, встречаются — в метро, тащат в какой-то новостроенный выставочный центр и, вымотав, наконец-то получают вожделенный конверт и расстаются — опять же в метро... В общем, ситуация вполне понятная для тех, кто сам хоть раз ощущал на себе, что Москва не подвержена не только слезам, но и вообще каким-либо искренним душевным проявлениям.

Впрочем, Алевтина Никаноровна тоже воспринимает эту ситуацию как данность — и отнюдь не только в силу жизненного опыта: «...лишь оскорблённая и униженная любовь способна на смертельную обиду. Здесь же никакой любви не ночевало. Ни с той, ни с другой стороны...». И всё-таки в гостиничном ресторане, хватив — но только ли поэтому? — сто пятьдесят граммов коньяку, вдруг неожиданно для себя изливает душу соседям по столику. Тоже, очевидно, провинциалам, поскольку «история показалась им, мягко выражаясь, нетривиальной...».

Завязавшийся таким образом после, что и говорить, весьма объёмной экспозиции сюжет и развивается неторопливо, не слишком, казалось бы, выходя за пределы матримониальной темы.

Только, однако, расслабишься — и жизнь героев опять делает нежданный поворот, хотя и не в стиле экшн, а вполне в согласии с нынешними реалиями. Какая россиянка нынче, к примеру, хотя бы теоретически не может сходить замуж за австралийца? Или какому из дальних тьмутараканских родственников Екатеринбург не может представиться столицей, пусть и одной из многих отечественных столиц?

Поскольку плотью повествования при этом остаются столь же неспешно и тщательно выписываемые бытовые подробности, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы различить за пристальным вниманием к ним сознательно используемый не то что приём, а целый литературный метод. Впрочем, одна из более ранних публикаций автора даёт нам возможность сослаться на него самого. Именно «классиками клятый, самозваными литературными аристократами люто презираемый» быт он с вызовом именует своей основной ценностью и опорой: «Здание бытия выстроено из кирпичиков быта, поскольку иного материала просто-напросто не существует... Быт, если угодно, это любовь в самом широком смысле слова, это семья, это хлеб насущный, это возможность, воспроизводя потомство, никогда не умереть. И литература вне быта, вне политики, вне жизни, хоть ты ее французскими духами с головы до ног облей, отчетливо шибает мертвечиной. Даже самая мастеровитая...».

То же внимание — в своеобразном «медицинском» цикле, который создают в «Житухе» кардиоповесть «Курс терапии» и уропоэма «Ниже пояса — тоже человек». Жанры определены автором опять же с явным, как сегодня говорится, стёбом — в том числе над нынешним «мейнстримом», в значительной степени обращённом к функциям тазобедренного отдела человеческой плоти. Стёб, однако, незлобный и в большей степени над собой, а если над человечеством — то самую малость, для коррекции завышенной самооценки гомо сапиенса:

«А в курилке-то было... В общем, как бы картина, случайно не написанная Иеронимом Босхом! Мои задумчиво-сосредоточенные собратья по урологии с привязанными к ноге бутылочками, частично наполненными характерно бурой либо янтарной жидкостью, поступающей по шлангу, восходящему к святая святых. Блаженно улыбающиеся, как всякий вернувшийся с того света, обитатели кардиохирургии с распиленными, но потом аккуратно сшитыми грудинами. Но самое сильное впечатление производили, конечно, чем-то напоминающие терминаторов суровые мужики из отделений челюстно-лицевой, а, более того, нейрохирургии. Судя по причудливому шитью, украшавшему их рожи и бритые черепа, они уже никогда не должны были умереть. Какая может быть смерть, если хирурги наши вот так непринуждённо слесарят и плотничают в недрах самого божественного компьютера!..»

Или: «...да, ребята, бывают, оказывается, ситуации, когда ощущаешь себя мужчиной в цветастых семейных трусах, а без них — жалким дрожащим бесполым существом...».

Или ещё: «...лежишь дурак дураком, а тебя катят по коридору... медперсонал, взирающий на нашего брата, как на неодушевлённый предмет...».

И так далее в том же духе — по всем этапам технологического процесса исправления отступлений организма от божественного образца, который проходит герой повествования. Явно немногим отличаясь от автора, он попутно позволяет себе весёлые «фенечки» по поводу не только клизмы или интимной стрижки, но и бурной внутренней жизни писательской организации, тем самым вовлекая в тот же почти постмодернистский оборот не только Гоголя со Щедриным, но и Булгакова.

А то вполне по-житейски и шире захватывает: «Наша верховная власть и наш футбол — близнецы-братья. То и другое — кладбище народных надежд...». Впрочем, тут же опять на себя переводит: «...сон мне накануне операции приснился про Президента. Будто мы с ним «tete-a-tete», и я... В общем, даже не подозревал, какой могучий, но совсем не реализованный верноподданнический рефлекс дремлет во мне всю жизнь...».

Из этого быта и стёба, однако, и здесь, и в романе, и в других повестях и рассказах, вошедших в книгу, постоянно пробивается, прорастает то душевное, духовное естество, что помимо способности к саморазрушению отличает человека от прочих земных тварей. В обезличенный, обезлюбленный мир снова и снова возвращается любовь — или хотя бы её желание, ожидание, в худшем случае тоска по её нехватке. И возрождается она в тех же самых людях, которые вроде бы безнадёжно укрепились в исключительно потребительском отношении к своим собратьям.

Литература, утверждает и, что самое главное, подтверждает Чуманов, сродни религии и «должна служить... не государству, не народу даже, а — Добру. В первородном смысле этого слова... Чтение литературного произведения должно сопровождаться пусть не глобальным, пусть микроскопическим, но катарсисом, внешнее проявление которого — слёзы и смех. Причем непременно вместе! Ибо что есть жизнь, как не смех и слёзы, что есть человек, как не слёзы и смех!».

Рискну утверждать: благодаря точности и глубине, которых достигает Чуманов в своём описании типичных антуражей и персон нынешней отечественной периферии, его «Житуха» вполне может претендовать на роль своеобразного эпоса современной российской провинциальной — да и только ли? — жизни. А особые, жизнеутверждающие свойства его иронии вполне позволяют назвать автора родоначальником нового — во всяком случае, для прозы нынешнего века — литературного направления. Не всё же нам пробавляться чернухой и порнухой, что расцвели в смутные 1990-е годы...

Андрей РАСТОРГУЕВ

Чуманов А.Н. До востребования. Книга стихов. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2002.

Чуманов А.Н. Житуха: Проза текущего века. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.

Героя статьи — Александра Чуманова — на снимке нет, но автор, Андрей Расторгуев среди коллег и оленей присутствует

Александр ПАВЛОВ
«...Память, боль свою излей...»

* * *

Гуси-лебеди мимо летели,
за собою тянули метели.
Отдыхали на озере синем,
забирали под крылья Россию.
Поднимаясь под солнышко выше,
пролетели над нашею крышей.
Видел я, как печально вздыхая,
ты смотрела с крылечка на стаю.
Над бревенчатой вязью деревни
гуси-лебеди с песнею древней.
Ты сегодня похожа на птицу,
на печальную ту лебедицу,
что отстала от стаи далекой
и металась в тоске одинокой.
До свидания, белые крылья!
Дружит ветер со снежною пылью
и к тебе заметает дорожку,
где подолгу не гаснет окошко.
Гуси-лебеди мимо летели,
уронили на землю метели.

Разрыв

В. Астафьеву

Шлифуя житейское наше кольцо,
вдруг встретишь, забывший про Бога,
как будто упавшее с неба лицо —
и ляжет дорога.
И сердце свое пробуждая не вдруг,
осмыслишь и нищий, и вящий:
как сладок и страшен разорванный круг,
во мглу уходящий.
Дорога завьется, конца не видать,
без грохота, трепа и света...
И там, где когда-то могли подсказать,
не будет ответа.

АВТОРА!

Александр Борисович Павлов родился в Магнитогорске в 1950 году, после окончания индустриального техникума работал вальцовщиком в листопрокатном цехе. Служил в войсках ПВО, после демобилизации заочно окончил литературный институт имени Горького, работает обозревателем в газете «Магнитогорский металл». Член Союза писателей России с 1978 года, опубликовал четыре книги стихотворений, много занимался переводами. Лауреат Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка.

Королевская примула

Королевская примула —
цветок, распускающийся
накануне извержения
вулкана.

Далеко-далеко,
у подножий вулканов немых,
в их крутых каменистых
нетронутых жерлах,
родниками провальными
скудную почву намыв,
угнездила природа
цветок на откосах замшелых.
Хрупкий стебель его
не взрывается цветом веками.
Спит угрюмый вулкан,
не ворочая телом под ним.
И тяжелый покой,
что уполз под лавинные камни,
не питает его
сокрушительным соком своим.
Но из темных глубин
заклубится просторная сила
да под чуткие корни
рассерженно вытолкнет сок.
И, напившись его,
расцветает до жути красиво
королевская примула —
этот страшный помпейский цветок.
Вестник огненных бурь
и могучих земных потрясений,
он, как вызов, цветет,
и трепещут над ним облака.
И качается мир,
и сгорает во мгле карусельной,
чтобы кануть в века
и явиться опять на века.
Это ль ново для нас?
Были годы жестоки и дики.
Без цветения примул
мы не горы — планету трясли.
Там, где мы полегли,
королевски взметнулись гвоздики
из горячего пепла
на вздувшихся жилах земли.
Наш коронный цветок
мы не соком питали, а кровью,
он встает на пути
не затем, чтобы нас повернуть.
Он в лавины зовет
и ложится в твое изголовье,
если черная пуля
влетит в непокорную грудь.
По горюнной земле,
у подножий курганов немых,
в их кромешных
на скорую руку
отрытых могилах
уж не мы ли горим,
прорастаем цветами не мы?
И встаем во весь рост
на земных перерубленных жилах...
Королевская примула
вышла на теплый откос
и вот-вот расцветет,
напоив свои нервные корни.
Я цветенья дождусь
и сорву эту вестницу гроз.
Отражаясь в глазах,
пусть горит у меня на ладони.

* * *

Мы в этой жизни скоротечной
большому пламени сродни.
И время, словно жар кузнечный,
палит оставшиеся дни.
Чтоб на высокой самой ноте
последний огненный язык
осекся в яростной работе
и отлетел, как звездный крик.
Ну что ж, не нами мир задуман,
не нами, грешными, но все ж
огонь гудит по нашим думам,
огонь, который с нами схож.
Он зол, стремителен, неистов,
но сквозь летящие года
несет живительные искры,
как дальний свет несет звезда.

* * *

Стоят на улочке, на той,
где храм какого-то Предтечи,
старухи в плюшевых пальто,
войну принявшие на плечи.
На них лениво смотрит май:
И, шедший облегченным рейсом,
ворча, увозит их трамвай
куда-то по блестящим рельсам.
Вдоль шумных улиц и машин,
где ни один себя не спросит,
а сколько судеб и морщин
трамвай по городу проносит?
На недосуг, по горло дел,
мы без него куда как жарки.
А он от памяти просел,
качая в окнах полушалки.
Не целый век, а только час
их прошлое в трамвае мчится,
чтоб раствориться среди нас
и никогда не повториться.

* * *

Памяти отца

Пришел отец, небритый и седой,
встал у порога, обнял и заплакал...
Ухоженный, здоровый, молодой,
я только произнес: «Ну что ты, папа...»
Пришел отец на сына посмотреть,
на внуков (никогда он их не видел),
пришел отец не в злобе, не в обиде,
пришел, чтоб лет на десять постареть.
Он в кресло сел:
«Так вот как ты живешь! —
несвежий бинт поправил на глазнице,—
Как ни крути, а вот пришлось явиться,
семья другая, дети, ну так что ж...»
Раскрыл альбом армейский
там, где лист
мое большое украшало фото:
— Ну, слава Богу, вроде не пехота...
Сынок, а я ведь тоже был танкист.
Отец, я знаю: был твой главный бой,
была Победа в радости и крепе,
и память протянула через боль
литые нержавеющие цепи.
Я помню, что не каждый мог прийти
на голос ран и крик твоих контузий,
да, ты не знал о тягостном пути
и об ином послевоенном грузе.
Еще семья смеялась у огня,
и, называя будущим солдатом,
ты к потолку подбрасывал меня
на молодой ладони узловатой.
Я помню это, приходи, отец!
Не мне судить, хоть это нынче модно.
Спасибо за биение сердец,
что в этом доме нынче так свободны.
Пусть говорят: на прошлое нельзя
сегодняшние списывать ошибки...
Но есть под сердцем гулкая стезя,
осколком окровавленным прошита.
Беснуйся, память, боль свою излей,
о чем сегодня горькая забота?
Ушел отец дорогою своей,
прижав к груди мое и внуков фото.

* * *

Свет луны колдует по стене...
Отчего не спишь, скажи на милость?
Резко дочка вскрикнула во сне,—
видно, что-то страшное приснилось.
Так уж, брат, устроен человек.
Память с кулачок еще, наверно,
и едва-едва раскручен век —
а его уже тревожат гены.
Память прорастает сквозь века,
слышатся отчетливо молитвы.
Будет сеча зла и велика,
и туман клубит над полем битвы.
Память твердо подвела коня,
шлем надела, обняла кольчугой,
током кровь ударила в меня,
криком в горле изошла — и чудо:
вон мечи, судьба, благослови!
День высок, убийственна работа.
И успех замешан на крови,
словно хлеб на просолони пота.
Взмах руки — и торжество во мне,
острие в живое погрузилось...
Резко дочка вскрикнула во сне,—
видно, что-то страшное приснилось.

* * *

Струны порваны. Все.
И шумит за жилищем тайга.
Отзвучала любовь,
обозначив иную заботу...
Был последним гвоздем
в каблуке твоего сапога —
не заметила ты
вековую его позолоту.
Он под спудом твоим
пресмыкался в грязи и пыли,
повторяя удел
терпеливых и вечно удобных.
Отвалился каблук
посреди оскорбленной земли,
отлетела струна...
Наконец-то мы нынче свободны.
Пусть былого не смыть,
не закрасить ошибками ровно.
Мне ли Бога гневить?
Ведь порой и по телу гвоздя
проносились тепло,
доброты благодарные волны,
как живительный ток,
в необъятную твердь уходя.
Верный громоотвод
сумасбродных и частых ненастий,
он держался, как мог,
тугоплавкое сердце храня.
Не ржавел — золотел,
и в погоне за призрачным счастьем
все сносил до поры,
до последнего этого дня.
И каблук отлетел.
И оборваны струны, как песня.
Что ж, меняй сапоги,
но забудь о гвозде золотом.
Может, кто-то придет
и нужней, и нежней, и чудесней.
Может, лучше споет,
но уже не о том, не о том.

Филин

За крутой кирпичною оградой,
за глухой кладбищенской стеной
сонному народу, как награда,
объявился филин шебутной.
Ладно бы вокруг одни покойники —
всем поганца слушать суждено!
Ухает и зычет с колоколенки,
ночь ли, день ли — все ему одно.
До того заплел мозги народу,
что во мгле измученного сна
он свою кургузую свободу
позабыл и помнить без вина.
Доводилось: в праведном запале,
плюнув на себя наверняка,
удальцы с ружьишком подступали,
только колокольня высока.

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 6 ⇨

Александр ПАВЛОВ «...Память, боль свою излей...»

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 13

Виды повидавшему десантнику
не лежится на своей печи,
он ворчанье поверяет ватнику:
— Гущееды! Упыри! Сычи!
Ох и филин!
Этому бы филину
врезать в лоб, дабы во благо всех
распрямить последнюю извилину,
ту, что вводит мир честной во грех.
Спит народ.
Угрюм, талантлив, сведущ...
Где вы там, в навозе, дурачки?
Вон во мраке филина последыш
примеряет новые очки.

* * *

Да, было детство...
Что за детство!
Без тяжких голода следов,
когда в земле от клубней тесно,
а над землею — от цветов.
Но слезы черные гудрона
на крышах стареньких домов
как отголоски похоронок...
И тесно на земле от вдов!
Что мне, босому, вдовий профиль?
Я торопился налегке
в поля обхаживать картофель
с мотыгой древнею в руке.
Забыть про голубые книжки,
войти, врасти в степную гладь,
в земле по самые лодыжки
босым и праведным стоять.
Не думать, что уходит детство,
не примечать его следов,
когда в земле от клубней тесно,
а над землею — от цветов.

* * *

Окраин голубые незабудки...
Как памятники прожитым годам —
пустые трансформаторные будки
и домики, прижатые к садам.
Холодный дождь, по стеклам тарабаня,
здесь никакого блага не сулит,
и лишь одна-единственная баня
торгует пивом и пока стоит.
А по ночам темно, как в преисподней,
заборы низко клонятся к земле,
все потому, что некому сегодня
отважно шастать в яблоневой мгле.
Одна отрада — старики на лавках,
как реки, что послушны берегам.
И старый пес, прохожего обгавкав,
без привязи плетется к их ногам.
Все чинно, все спокойно, все привычно,
и на душе спокойствие, но вдруг
над коробком зачем-то вздрогнет спичка
и, сломанная, выпадет из рук.

* * *

Посижу у пенистой реки.
Вопреки дыханию свободы
стихну от нахлынувшей тоски,
посмотрю на бешенство природы.
Плещет в камни мутная волна
крутит бревна, подмывает берег.
Молодая, вешняя страна,
кто в твое неистовство не верит?
Прыгнуть в лодку — и лететь, лететь
в брызгах, громе, хохоте и свете...
Жутко много не дано успеть
пережить и сделать на планете.
Я хотел бы — соком по стволу,
облаком, ромашкой под копытом,
стать волной, разбиться о скалу
и тебя явить, что Афродиту.
И придет прозрение ко мне,
только солнце из-за тучи брызнет:
будет смерть, как продолженье жизни
с высотой природы наравне.

Николай Коняев
Ночной грибник

рассказ

Сторож дачного поселка «Кедр» Гурий Фадеевич Звягин запер дверь домика-сторожки и, одернув с запястья обшлаг ветровки, сдвинув по руке до локтя пустую корзинку, глянул на часы — без четверти четыре. Тихо и покойно. Звездная россыпь под фиолетовым куполом неба гасла, пристыженно мерцая фосфорическим свечением. Восточная часть высветилась из-под горизонта, наливалась зоревыми растекающимися красками...

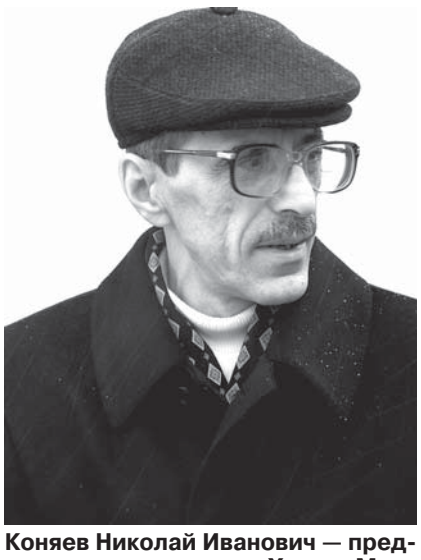
Он уже направился от крыльца к калитке, когда увидел: за клочком уцелевшего от бульдозера березничка по ту сторону въездной асфальтовой дороги, в «Ефремовке» — ряду строений «новых русских» (по фамилии удачливого местного банкира), в двухэтажном кирпичном коттедже под четырехскатной оранжевой крышей вспыхнуло зеленым мягким светом окно на нижнем этаже, затем сыро, глухо звякнула цепочка на входной двери, и на высокое крыльцо вышел... Христолюбов. Не отпрыск Христолюбова — Вадим, выстроивший дачу следом за банкиром и двумя годами позже расстрелянный в подъезде собственного дома, а сам — Викентий Валерьянович, Викеша. Уже давно не первый секретарь бывшего райкома, не поздний председатель бывшего Совета и вот уже, похоже, не президент какой-то высокоподвешенной кормушки...

«Неужель конец Викешиной карьере?!»

В пятнистой камуфляжной куртке, в мешковатых брюках на заклепках, с напуском штанин на голенища кожаных ботинок, в сдвинутой на мощный лоб синей пляжной шапочке с откидным солнцезащитным козырьком, Викеша пересек дорогу и медленно прошел в пяти шагах вдоль зеленой штакетной оградки в сторону шоссе...

«Да неужель отпрезиденничал? Есть, видно, Бог-то... Е-есть!» – Гурий Фадеевич проводил недобрым долгим взглядом уходящего Викешу, ощутив вдруг неприятную нутряную дрожь...

АВТОРА!



Коняев Николай Иванович — председатель правления Ханты-Мансийской окружной писательской организации. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, региональной премии «Урал промышленный — Урал полярный».

Выждав с полминуты, отворил калитку. Но прежде чем зайти в кедровник, сырой и неуютный от утренней росы, прошел с полкилометра по шоссе до кряжистого кедра на месте неприметного для непосвященного, заросшего шиповником своротка.

А ведь всего-то полтора десятка лет назад за белыми грибами было рукой подать. Сразу за улицей Овражной, за огородами с вымахивавшей к зениту лета в полчеловеческого роста картофельной ботвой, по левую сторону шоссейки начинался ельничек-березничек, правда, и в то время уже пощипанный, прореженный предновогодними набегами чадолюбивых горожан. Сужаясь постепенно к северу, ельничек-березничек ступеньчато сбегал к утыканной осинником и черным кустарником ржавой болотине...

Вот где были белые! Всем белым белые, на зависть, хоть косой коси! А уж яркие, широкие, что твои плафоны, шляпки неисчислимых подосиновиков в ясную погоду видны были из заходящих на посадку самолетов. В те благословенные времена грибного изобилия едва ли не вся пенсионерия города с первыми выплесками утренней зари тянулась к ельничку-березничку с ведрами, корзинками, кошёлками в руках. Входили, рассыпались цепью, перекликались и аукались в просвечиваемом, впрочем, от края до края, до кустика изученном в лесу и, продвигаясь, выходили на болото. Всего за полчаса полны были посудины величественными белыми грибами! А свинухов, волнушек да белянок, что хрустко лопались, крошились под ногами на колеях и на обочинах объездных дорог, и не замечали. Да и в кедровник, простиравшийся сразу от болота, входили разве что в неурожайное, засушливое лето — пособирать лисичек в травке да молодых маслят по лысым косогорам для утешительной грибницы...

Но в ту завидную для истинных грибников эпоху Гурию Фадеевичу было не до грибов. Хотя о доброй-то грибной охоте, эдак на полдня, без суеты и спешки, да по нехоженым местам, да в одиночку, для души — о такой охоте кому же не мечталось? Особенно когда устал до полусмерти или неприятности по службе. Неприятностей хватало в любые времена – не хватало времени. Столько было дел, забот, срывающихся графиков и горящих планов, что, случалось, и за лето выкроить денек-другой для отдыха души никак не удавалось, а и удавалось, то уж не для грибов. Да и грибником-то он в ту пору не было никаким — ни истинным, ни ложным...

Он в ту пору находился не столько на рабочем месте — в кресле главного редактора (с газетой за его спиной сполна справлялся зам. Что было не справляться? На счет денежки текли, с бумагой горюшка не знали, с идеологией проблем не возникало — никто сверху не давил и не указывал — сами знали дело, чувствовали меру), сколько за перегородкой кабинета Христолюбова. Верой и правдой служил Первому, как сегодня шепчутся в кругу газетных щелкоперов, журналистским негром (а то они не негры, нынешние, еще какие негры-то!). Писал Викеше выступления, отчеты и доклады к самым разным торжествам, событиям и датам и, что теперь греха таить, строчил с огромным удовольствием, освоив в совершенстве это ремесло. Успех определялся и знанием одной существенной слабинки Христолюбова. Куда бы тот ни выезжал, перед кем бы ни витийствовал — будь то партактив, дирекция завода, правление колхоза или же бригада в поле и цехе, он хотел быть непременно принят всеми свойским — от сохи, от молота, желал войти в доверие, сорвать аплодисменты эдаким соленым, метким, звучным словом, ввернутым ко времени и к месту...

Он увлеченно украшал словесной мишурой цифры и отчеты официальных достижений вверенного Первому района, писал и для помощников и замов — первых и вторых, пятых и десятых и даже, дело прошлое, для инструктора отдела пропаганды — в юности геолога и человека славного, но к стыду, к несчастью своему, не способного связать двух предложений на бумаге. Готовил для него обзоры публикаций в собственной газете на заданную тему в свете выполнения очередных решений...

Не играл, не забавлялся — работал трезво и расчетливо, «обсасывая» каждое слово и запятую, ибо, как никто другой, давал себе отчет, что самая, казалось бы, пустячная ошибка может обернуться бумерангом. Так же, как «изюминка», озвученная Первым, оборачивалась прибылью. Не в смысле премий-гонораров — то само собой, а высшей степенью доверия и расположения. Отсюда — новая квартира, престижная путевка, звания, награды как из рога изобилия, и, как довесок, довершение, — бронь во всемогущее районное бюро... И все обязывало, связывало, опутывало крепко, и не сойти, не спрыгнуть на ходу, не отстать, не задержаться, — отстал, так не догнать, споткнулся — не подняться...

Какие там грибки!

За грибками-то потом бы, после непредвиденной отставки, да впал поначалу в грех уныния, опустились руки. После августовской заварушки все полетело вверх тормашками — обкомы и райкомы, бюро и даже головы. В одной из многочисленных, вмиг обнаглевших газетенок нашел свою фамилию средь тех, кого Викеша, прозревший в одночасье, должно, с подсказки новых, перестроившихся негров, отнес к числу «не сделавших необходимых выводов и не извлекших для себя уроков из ошибок прошлого». Каких таких уроков не извлек он, преданный как пес?!

Сперва решил, что стал случайной жертвой начавшейся в райкоме мелочной грызни. Вот, ждал, Викеша разберется да спохватится, все и образуется. Увы, не спохватился. Значит, сник Гурий Фадеевич, отставка не случайна. И не только с ведома, но и с подачи Первого. Одного не мог взять в толк — а почему его? Его, а не, к примеру, горе-идеолога списали в жертву новой, утверждающейся власти? Когда попал в немилость и, главное, за что?

Хотя, если подумать... С каких-то пор ведь не входил уже без приглашения в апартаменты Христолюбова. И тот, хоть и не шарахался при встрече в коридоре, но радости особой не выказывал. В рассеянной улыбке, в коротком, на ходу, рукопожатии-касании не ощущалось былой властности и твердости, в глазах нет-нет да и мелькала тень душевного смятения. Каким-то,

видимо, особым, воспитанным за годы первосекретарства нутряным чутьем Викеша ощущал дыхание беды...

И вот тогда Гурий Фадеевич вспомнил о письме. О том, еще доперестроечном письме в редакцию на четырех листках в линеечку, воспринятом как бомба под кресло Христолюбова, готовая взорваться в любой кому-то выгодный момент. Копия письма долго хранилась дома втайне даже от жены. О, Викеша в свое время многое отдал бы за него!

Сумбурное письмо от гражданки Н., работницы общественного транспорта, ударницы и проч., содержало настоятельную просьбу предать огласке заявление семигодичной давности. О том, что в ночь на воскресенье, 26 августа 1984 года, ее 17-летняя дочь, студентка первого курса университета, была изнасилована студентом индустриального института Христолюбовым В. В. (тем самым Христолюбовым — отпрыском Викешиным!). Утром следующего дня гражданка Н. обратилась с заявлением в городской отдел милиции, и вот уже на протяжении семи с лишним лет от всевозможных компетентных органов получает лишь невнятные отписки.

То давнее письмо он лично принял из дрожащих рук заплаканной гражданки Н., усадил и успокоил, и вселил уверенность, что передаст по назначению и, если подтвердится то, что в нем изложено (а он не сомневается, что так оно и есть, но ведь, согласитесь, обвинение серьезное — необходимы доказательства!), — так вот, если подтвердится, непременно напечатает...

И — вот в чем его ошибка, роковая, непростительная, приведшая в конце концов к отставке! — обнадежив, проводив гражданку Н. до лифта, сам еще не сознавая, для чего, сняв с оригинала копию и спрятав ее в сейф, пал в машину и — в райком... Что, мол, будем делать?

Вот где он дал маху! Простофиля. Думать надо было. Самому решать, что делать. Что и как. Да так, чтоб ни в милиции, ни в прокуратуре, ни тем более у Первого не возникло подозрений, что письмо прошло через чужие руки. Вот чего он недодумал на свою головушку...

В дни уныния, отчаяния копия, признаться, тешила своей убойной силой, жгла руки, побуждала к действию, отмщению, но медлил, выжидал, как выжидает хищник жертву, чтоб намертво всадить клыки и когти. Внимательно следил за перемещением влиятельных фигур на местной политической арене, но после октября памятного года началась неразбериха. Бывшие партийцы исчезали с поля зрения на месяц, два, полгода, затем всплывали, но уже на новом месте, в невероятно новом качестве, и он дивился перевоплощению, как если бы вдруг белый предстал взору грибника эдаким красноголовиком, а бледная поганка обернулась благородным груздем. Викешу можно было уподобить рыжему масленку — выскальзывал каким-то расчудесным образом из любых зажимов, хоть и потерял осанку...

Со временем и боль обиды, причиненной Христолюбовым, выпала в осадок где-то в тайниках души. Жизнь-то продолжалась, жизнь брала свое! «К дьяволу Викешу со всей его компанией, — решил Гурий Фадеевич. — К дьяволу газету и политику!». Он загорелся мыслью обустроить дачу, пожить постариковски в стороне от хаоса. И обустроил, и осел, даже подрядился сторожить участок. А по ночам писал — нет, не мемуары, не воспоминания, а что-то вроде грустных размышлений о подоплеках и причинах многих нынешних явлений — ведь в молодости пробовал перо и, уверяли, вовсе не бездарно. За годы дачного затворничества скопилось множество разрозненных заметок, их предстояло упорядочить и уложить в план замысла. Он вдохновенно принимался за работу, но через час-другой вдруг начинал тонуть в подробностях, мысль обрывалась и терялась, одно противоречило другому, третье выхолащивало суть первого... Он нервничал и приходил в отчаяние от гадкой, цепкой, словно паутинка, мысли — поздно спохватился, всему свой срок и время, растратил дар по мелочам в апартаментах Христолюбова! Старая обида выплескивалась ненавистью, руки вновь тянулись к письму гражданки Н., и лишь потрясшая район гибель Вадима заставила в каком-то суеверном страхе сжечь то злополучное письмо...

Он вспомнил о грибках, когда ельничек-березничек исчез с лица земли. Заповедник белых царственных грибов был вырублен, распахан, размерян на участки под картошку, что сбегали вниз по склону и, перепрыгнув через ржавую болотину, свежими жердинами вклинились в кедровник. И не просто вклинились, а вгрызлись — хищно, яро, за какие-то два года от кедровника остались лишь воспоминания. Бездумным росчерком пера брошен был кедрач под раскорчевку в жертву дачному строительству вплоть до морошковых и клюквенных болот, тоже, впрочем, вскоре оказавшихся частично под засыпкой...

У кряжистого кедра он свернул с шоссе и едва приметной тропкой в зарослях шиповника направился к виднешемуся вдалеке просвету. Шел быстро и уверенно, обходя колючие кустарники с каплями хрустальной предутренней росы на глянцевитых сморщенных плодах, раздвигая плоские, вкруговую растопыренные лапы мокрых кедров.

С первых дней грибной охоты он усвоил немудреные основные правила: в лес входи со светом в сердце и — обрети свою «полянку». Тут, в лесочке на 17-м километре, вблизи дачного поселка, обрести «полянку» было нелегко. Как в былые времена в ельничке-березничке, все было выхожено, вытоптано, выползано. Дачники чуть свет прочесывали лес, натыкаясь на грибы разве что на старых бульдозерных отвалах между неумолчной шоссейкой и кромкой пропыленного кедровника. В травянистых же канавах, в неглубоких выемах после затяжных дождей сквозь лиственную прель пробивались белехонькие от недостатка света волнушки и белянки с бархатистыми каемками, таявшими от прикосновения, да кое-где торчали из травы деформированные шляпки болезненных обабков на искривленных ножках...

Он остановился у кромки беломошного болота в окаймлении березника. Из-под высокой живой кочки с осоковой косичкой на макушке выдернул метровую осиновую палку и, опираясь на нее, двинулся по загодя проложенным жердям, затонувшим в чавкающей под сапогами жиже. Перейдя болото, вышел на округлый сухой кедровый островок, разделенный надвое прорубленной когда-то узкой просекой в завалах бронзовевших стволов леса. Этот уцелевший от дачного нашествия крохотный мирок, защищенный с трех сторон болотом, стал с неких пор его «полянкой»...

Он вошел в заросшую малинником горловину просеки и, прежде чем пройти по краю, присел на мшистую валежину, отставил в сторону корзинку и закрыл глаза. Ровный шелест леса, короткий, быстрый вздох внезапно, под порывом ветра падающих в мох с вершин кедровых шишек, стук дятла — старожила здешних мест, ядовитый, одурманивающий запах болотного багульника, светлеющий шатер предутреннего неба — все это успокаивало, снимало накипь ночных чувств... Он встал и огляделся. За малинником, по южной стороне, в чащобе и завалах, на почтенном расстоянии один от другого виднелись белые красавцы...

— Ах вы, гордецы! — прошел к ближнему грибу на расщепленной ножке с белой бахромой по краям разрыва, подушечками пальцев провел по влажной и упругой шляпке. — Ах, толстячок-боровичок, и что ты такой важный, прям не подступись? Прямо пуп земли! Ну, не земли, так острова — не меньше... А мы вот не посмотрим, что ты пуп, видали мы пупов на своем веку, возьмем вот да и срежем тебя под корешок! Ступай-ка, брат, в корзинку! А чтоб не скучно было одному, пупов тебе добавим... Вон вас сколько тут... Видимо-невидимо!

Так он бубнил себе под нос, елозя на коленях по сырой траве, почти не расклоняясь, срезая гриб за грибом перочинным ножиком, но не выкашивая все, что попадалось под руку, а придирчиво оценивая, осматривая каждый, обирая шляпки от налипшего лесного мусора, не трогая молочный молодняк...

Когда корзинка доверху наполнилась грибами, а в завалах и чащобе их и не убавилось, он сел на ствол поваленного дерева, из-за пазухи ветровки достал разрезанный повдоль и круто посоленный домашний огурец.

Выплывшее из-за полыхавшей зоревой дуги огненное солнце согнало с листьев и травы последнюю росу, вкатилось шаром в горловину просеки...

— Ну, мужички-боровички, поджидайте — не скучайте!

Одному ему ведомой тропинкой он возвращался с острова в бодром настроении, словно и не было позади бессонной нервной ночи и почти трехчасовой прогулки за болото. Лишь от багульника кружилась голова. Но мысли были ясные и светлые — прийти, умыться, выпить чаю, немножечко вздремнуть в затемненной комнате, а затем побриться и перебрать грибы...

И тут он чуть замедлил шаг, затем остановился и даже отшатнулся боком на березу. Из-за кустов шиповника по его тропинке вышел Христолюбов. Викентий Валерьянович. Викеша!.. Грузно опустился на обугленную карчу, издали похожую на черного распластанного зверя. Корзинку не отставил, а резко сбросил в ноги. И по тому, как сбросил — эдаким небрежным досадливым движением, легко было понять, что там, на донышке, всего-то с десяток раскрошившихся синюшных сыроежек, с полдюжины маслят с отвердевшей плотью понизу да, может, с горстку слипшихся между собой обабков — большего на этом иссушенном зноем пятачке не могло и быть. А Викеша вряд ли углублялся в лес — бродил по кругу с краю да в низинке. Кружил, как сам он когда-то, в первый свой грибной сезон. Не потому, что всякий раз блуждал в трех соснах, а потому, что, углубляясь, начинал испытывать странный дискомфорт от непривычной тишины утреннего леса и безотчетно отклонялся от маршрута в сторону шоссе...

Викеша Христолюбов сидел в полунаклоне. И глядя на его сгорбленную спину, опущенные плечи в пятнистом камуфляже, Гурий Фадеевич вздохнул глубоко и тяжко. И уже шагнул из-за березы, решившись наконец-то подойти к Викеше, но отчего-то вновь замешкался... И — понял, отчего. Не было в нем прежнего мстительного чувства. Не было злорадства. Все ушло, перегорело. Не из чего вспыхнуть. Лишь легкая усталость и головокружение. И легкое сочувствие к Викеше... Властному, расчетливому. Коварному и сильному. Великодушному и подлому. И все же — загнанному, сверженному. Такие, как Викеша, сами не уходят...

Смотрел на сгорбленную спину...

«Ничего, Викеша, не ты первый... Ничего, отдышишься! — свернул с заветной тропки и пошел к шоссе в обход, чтобы не увидел Христолюбов в его руке корзину с белыми грибами. — Расстроится мужик!».

Рождественский конкурс

Управление культуры Каменска-Уральского, городское литературное объединение, Ассоциация писателей Урала, екатеринбургское отделение Союза писателей России, редакции журнала «Урал», газет «Новый компас», «Каменский рабочий», «Культпросвет» в целях активизации литературной жизни города, поиска новых литературных дарований объявляют

ОТКРЫТЫЙ ГОРОДСКОЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС

На конкурс принимаются не публиковавшиеся ранее 2007 года в газетах, журналах, сборниках стихотворения каменских авторов, авторов муниципальных образований Свердловской области и других регионов России.

Общий объем рукописей — не более 50 строк, отпечатанных на машинке, принтере или разборчиво написанных от руки. Авторы должны сообщить: фамилию, имя, отчество, возраст, образование, адрес (и телефон), место работы или учебы, с какого времени занимаются творчеством.

Рукописи должны быть отправлены по почте до 31 декабря 2007 года по адресу 623400, Свердловская область, город Каменск-Уральский, а/я 250, редакция газеты «Новый компас» с пометкой «На поэтический конкурс».

Для победителей установлены три основные премии: 1500, 1200, 1000 рублей. А также специальные: «Гран-при» (издание сборника стихов) — для победителей предыдущих конкурсов, «Надежда» — для авторов не старше 17 лет, «Мой город» — за стихи о Каменске-Уральском и его людях, «Вместе» — для иногородних авторов.

Внимание! Новая номинация: «Абитуриент Литинститута-2008» — для учащихся выпускных классов и всех, желающих поступить в Литературный институт им. А.М. Горького.

Лучшие стихи будут опубликованы в журнале «Урал», в газетах города, а также войдут в состав сборников, издаваемых по инициативе Ассоциация писателей Урала, екатеринбургского отделения Союза писателей России.

К поддержке конкурса приглашаются спонсоры.

Конкурсная комиссия

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

1.Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.
2.Вся верстка выполняется на платформе PC.
3.Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.
4.Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.
5.Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. все мзображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.
6.Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№1(16)
ЯНВАРЬ/ФЕВРАЛЬ 2008
АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ. РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА, СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Екатеринбург: *Кердан А.Б.* главный редактор, координатор Ассоциации писателей Урала; *Бриль Ю.Г.* Заместитель главного редактора; *Титов А.Б.* председатель отделения Союза российских писателей; *Казарин Ю.В.* председатель отделения Союза писателей России.

Барнаул: *Колесникова Г.П.* председатель краевого отделения Союза писателей России

Кемерово: *Бурмистров Б.В.* председатель областного отделения Союза писателей России

Киров: *Фокин В.Г.* председатель областного отделения Союза писателей России

Курган: *Яган И.П.* председатель отделения Союза писателей России

Муравленко: *Овсянников А.В.* председатель окружного отделения Союза российских писателей

Нижневартовск: *Смирнов Н.П.* председатель городского содружества писателей

Омск: *Ерофеева-Тверская В.Ю.* председатель отделения Союза писателей России.

Оренбург: *Моисеев В.Г.* председатель регионального отделения Союза российских писателей

Пермь: *Соколова Т.Ф.* председатель областного отделения Союза писателей России.

Сыктывкар: *Козлова Е.В.* председатель республиканского отделения Союза писателей России

Тюмень: *Денисов Н.В.* председатель областного отделения Союза писателей России; *Кравцов А.Б.* президент Тюменской ассоциации литераторов; *Шамсутдинов Н.М.* председатель областного отделения Союза российских писателей

Ханты-Мансийск: *Коняев Н.И.* председатель правления окружного отделения Союза писателей России.

Челябинск: *Белозерцев А.К.* председатель областного отделения Союза писателей России; *Шишов К.А.* председатель организации Союза российских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!

Адрес для писем: 620075, г.Екатеринбург, ул.Пушкина,12. «Ассоциация писателей Урала».
E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.
Контактные телефоны:
(343) 371-33-70, 371-12-06, 381-33-86

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.
Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию.

При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов

Тираж 999 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Режевской Печатный Дом», г. Реж, ул. Красноармейская, д.49. Тел. (8-3436) 42-15-32